Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой

ЛИТЕРАТУРА

Часть I

9

ДРОФА

ВЕРТИКАЛЬ

Электронное приложение
www.drofa.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данный учебник-хрестоматия входит в УМК по литературе для 5—11 классов, созданный по единой программе литературного образования, составленной Т. Ф. Курдюмовой, и завершает этап литературного образования школьников.

Учебник-хрестоматия соответствует ФГОС основного общего образования, рекомендован Министерством образования и науки РФ и включён в Федеральный перечень учебников.

- Литература. 9 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть I
  - Шедевры литературы и наше чтение
  - Древнерусская литература
    -
    - О древнерусской литературе
    - Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Золотое слово русской литературы
    - Слово о полку Игореве. В сокращении
    - В. И. Стеллецкий. Причеть-моление Ярославны. Стихотворное переложение
    - И. И. Козлов. Плач Ярославны. Вольное подражание
  - Литература XVIII века
    -
    - О русской литературе XVIII века
    - О русском классицизме
    - Михаил Васильевич Ломоносов
      -
      - Ода на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. В сокращении
    - Гаврила Романович Державин
      -
      - Властителям и судиям
      - Памятник
    - О русском сентиментализме
    - Николай Михайлович Карамзин
      -
      - К соловью
      - Бедная Лиза. В сокращении
  - Литература XIX века

- О русской литературе XIX века
- Александр Сергеевич Грибоедов
  - Горе от ума. Комедия в четырёх действиях, в стихах. В сокращении
    - Действие I
    - Действие II
    - Действие III
    - Действие IV
- О романтизме
- Василий Андреевич Жуковский
  - Светлана
- Александр Сергеевич Пушкин
  - Лирика
  - Храни меня, мой талисман…
  - Сожжённое письмо
  - К Чаадаеву
  - К морю
  - Осень. (Отрывок)
  - Пророк
  - Если жизнь тебя обманет…
  - Поэт
  - Я вас любил: любовь ещё, быть может…
  - Я памятник себе воздвиг нерукотворный…
  - Евгений Онегин. В сокращении
    - Глава первая. В сокращении
    - Глава вторая. В сокращении
    - Глава третья. В сокращении
    - Глава четвёртая
    - Глава пятая. В сокращении
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
  - Моцарт и Сальери
- О реализме
- Михаил Юрьевич Лермонтов
  - Ангел
  - Ужасная судьба отца и сына…

- Поэт
- Монолог
- Нет, не тебя так пылко я люблю…
- Пленный рыцарь
- Герой нашего времени. Фрагменты
  -
  - Журнал Печорина. Предисловие
  - I. Тамань
- Николай Васильевич Гоголь
  -
  - Мёртвые души. Том первый. Фрагменты
- Фёдор Иванович Тютчев
  -
  - Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный…
  - День и ночь
  - Эти бедные селенья…
  - Живым сочувствием привета…
  - Ещё томлюсь тоской желаний…
  - Она сидела на полу…
  - С поляны коршун поднялся…
- Афанасий Афанасьевич Фет
  -
  - Чудная картина…
  - На заре ты её не буди…
  - Вечер
  - Я тебе ничего не скажу…
  - Как беден наш язык! – Хочу и не могу…
  - Я вдаль иду моей дорогой…
  - Спасибо ж тем, под чьим приютом…
  - Нет, я не изменил. До старости глубокой…
  - Я был опять в саду твоём…

○ Зарубежная литература
-
- Литература эпохи Средневековья
- Данте Алигьери
  -
  - Божественная комедия. Фрагменты
    - Ад
- Литература эпохи Возрождения
- Уильям Шекспир
  -
  - Гамлет. Фрагмент. Перевод М. Лозинского
    -
    - Акт третий

■ Гамлет. Фрагмент. Перевод Б. Пастернака

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

Литература. 9 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть I (Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой)

Шедевры литературы и наше чтение

Много лет вы как читатели встречались с совершенными произведениями искусства слова. Художественная литература предлагала вам свои лучшие образцы: она помогала вам и обогатить картину окружающего мира и сделать безупречной свою речь.

Каждый из нас отличается от всех остальных, и это отличие – наше достояние. Оно помогает каждому человеку быть самим собой, ощущать себя значимой единицей среди множества и, отличаясь от других, жить в мире со всем окружающим. Об этом неизбежном многообразии думали и не раз писали наши классики. В. В. Вересаев в «Записях для себя» так увидел этот удивительный процесс:

«Вот перед окнами вашего кабинета – церковка. Зашёл к вам художник, увидел её. „Какая замечательная церковь! Подлинная русская церковь! Как чувствуется в ней глубокое смирение русского народа, его просветлённо-христианская примирённость с горькою своею судьбою! Это нужно зарисовать!“ Вы смотрите на его картину: верно! Как на ладони вся христианская душа долготерпеливого русского народа.

Зашёл потом другой художник. „Какая характерная церковь! Как тут отражено глубочайшее, в сущности, равнодушие русского народа ко всем небесным делам! В готике – какой там могучий порыв к небу, всё устремление – высоко вверх, к Богу! А посмотрите на эти купола: широкие, как репа, основания и тоненькие хвостики к небу. Там, дескать, нам делать нечего. Тут нужно устраивать жизнь, на земле!.. Это нужно зарисовать!“ Зарисовал, и вы видите: действительно, жизнь следует устраивать на земле.

Третий художник пришёл. „Какое великолепие! Посмотрите

на эти фиолетовые тона, как они играют на золоте куполов!.. Нет, это нужно зарисовать!“

Вам тогда приходит мысль: по-видимому, правда, церковка моя замечательная. Нужно сфотографировать. Сфотографировали. И – ничего! Ни христианского долготерпения, ни пренебрежения к небу, ни красивой игры фиолетовых тонов. Всё это от себя внесли художники, каждый из них заставил нас взглянуть на явление его глазами».

Произведения искусства тем и хороши, что предлагают читателю свой и часто неожиданный взгляд на то, что изображено, и этот взгляд помогает нам увидеть многое, что мы сами, может быть, и не увидели бы. Читатель тоже осуществляет свой выбор.

Стоит прислушаться к словам философа Ивана Александровича Ильина о читателе. «Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать. Поймут ли? Увидят ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? И прежде всего – состоится ли у него духовная встреча с теми далёкими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

Дело в том, что далеко не все читающие владеют искусством чтения: глаза бегают по буквам, „из букв вечно выходит какое-нибудь слово“ (Гоголь) и всякое слово что-нибудь да „значит“; слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то „подержанное“, расплывчатое, иногда непонятное, иногда приятно-мимолётное, что быстро уносится в позабытое прошлое… И это называется „чтением“. Механизм без духа. Безответственная забава. „Невинное“ развлечение. А на самом деле – культура верхоглядства и поток пошлости.

Такого „чтения“ ни один писатель себе не желает. Таких „читателей“ мы все опасаемся. Ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл…

Читать – значит искать и находить, ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей полноте и присвоить его себе. Это есть творческий процесс, ибо воспроизводить – значит творить…

Искусство чтения надо приобретать и вырабатывать в себе. Чтение должно быть углублено: оно должно стать творческим и созерцательным. И только тогда нам всем откроется его духовная ценность и его душеобразующая сила. Тогда мы поймём, что следует читать и чего читать не стоит: ибо есть чтение, углубляющее душу человека и строящее его характер, а есть чтение разлагающее и обессиливающее.

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает, и каждый человек есть то,

как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтённого, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов…» Можно поспорить с позицией И. А. Ильина. Но спор побуждает к действию. Диалог о чтении может заставить прочитать новые книги, задуматься об уже прочитанном произведении, подскажет аргументы при оценке художественного текста, возможно, даст ответы на вопросы, которые волнуют.

Авторы учебника тоже надеются на творческий диалог с девятиклассниками, который поможет в формировании читательской культуры.

Вопросы и задания

1. Прав ли Ян Амос Коменский, великий педагог XVII века, утверждая, что «…немыслим толковый читатель, который не был бы в то же время Отбиратель»? Как вы понимаете слово «Отбиратель» в этом афоризме? Почему, как вы думаете, автор написал слово «Отбиратель» с большой буквы?

2. «Для многих, многих книги так же нужны, как хлеб и соль. И так будет, сколько бы ни изобретали замысловатых кассет, и телевизоров, и других заменителей. В человеческом мозгу хранятся книжные сокровища, которые не умрут. Они все там – „Одиссея“ и „Божественная комедия“, „Война и мир“ и „Дэвид Копперфильд“».

Согласны ли вы с этим суждением Астрид Линдгрен? Какими книгами вы бы дополнили этот список?

3. «Добрые люди не знают, сколько времени и усилий стоило иному, чтобы научиться читать. Я потратил на это восемьдесят лет и ещё сейчас не могу сказать, что достиг цели», – сказал Гёте незадолго до смерти. Как вы объясните такое признание великого писателя?

4. «Читатель – составная часть искусства», – утверждал Алексей Толстой в статье «О читателе». Как можно подтвердить эти слова?

5. Как вы понимаете слова Роберта Стивенсона: «Литература во всех её видах – не что иное, как тень доброй беседы»?

6. После смерти В. Г. Белинского И. С. Тургенев приобрёл библиотеку великого критика не только потому, что хотел помочь его вдове, – он хотел сберечь круг заветных друзей Белинского – его книги. Сейчас они хранятся в музее Тургенева в Спасском-Лутовинове. Если будете в этом музее, обратите внимание на корешки книг с золотыми буквами «В. Б.». Есть ли у вас личная библиотека? Как она создавалась? Напишите свои размышления

на тему «Моя библиотека».

7. Согласны ли вы с таким утверждением: «Всё, чем должен владеть писатель, обязательно и для читателя художественной литературы. Всё, кроме одного: дара воплощения»?

8. Как вы представляете себе дар воплощения у иллюстраторов художественных произведений? Каких иллюстраторов вы могли бы назвать?

9. Оцените афоризм О. Уайльда: «Жизнь подражает Искусству гораздо более, нежели Искусство подражает Жизни». Прав ли писатель?

Древнерусская литература

Слово о полку Игореве.

О древнерусской литературе

Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Её начало восходит ко второй половине X века. Из тысячелетней истории отечественной словесности более семисот лет принадлежит **древней русской литературе.**

Возникновение литературы на Руси во многом связано с принятием христианства, с потребностью в церковных книгах, поэтому литературные произведения этого периода по содержанию и по форме были преимущественно религиозно-поучительными. Основой для древней оригинальной русской литературы послужила литература византийская.

К числу переводных памятников на Руси принадлежит **апокрифи́ческая литература**. В буквальном переводе с греческого слово «апокрифический» означает «тайный», «сокровенный». Апо́крифы представляли собой легендарно-религиозные произведения, не признанные церковью священными, поскольку в трактовках канонических библейских сюжетов допускались определённые вольности. Среди апокрифических персонажей выделяется царь Израильско-иудейского государства Соломон (апокриф о Соломоне и Китофрасе, суды Соломона). Он показан умным и мудрым человеком, подтверждающим своими действиями сказанное о нём в Библии: «И дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум и обширный ум, как песок на берегу моря.

И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян».

Очень популярным на Руси на протяжении многих веков был апокриф «Хождение Богородицы по мукам». В тексте говорится о том, как архангел Михаил, исполняя желание Богородицы, показывает ей муки грешников в аду. Зрелище неисчислимых

страданий побуждает Богородицу обратиться к Михаилу с просьбой пустить её мучиться вместе с христианами, потому что они зовутся чадами сына её. Но архангел в ответ на это произносит: «Почивай в раи». Богородица вновь и вновь обращается ко всем силам небесным, умоляет их вступиться за грешников и укоряет за равнодушие. И на этот раз Бог умилосердился «сына ради своего единородного» и велел ему сойти с невидимого престола, чтобы услышать мольбу святых и явить лицо своё грешникам. И сошёл Христос с престола, и грешники, увидев его, возопили единым голосом о своём помиловании. Христос напоминает им о сошествии своём на землю для освобождения людей от первородного греха и даёт им полный покой днём и ночью от великого четверга до пятидесятницы (около двух месяцев). И ответили все: «Слава милосердию твоему».

Наибольшей популярностью пользовалась **литература жити́йная,** или **агиографи́ческая** (от греч. hágios – святой, grápho – пишу). Жития́ представляли собой жизнеописания государственных и религиозных деятелей, кого церковь признавала святыми, т. е. чьи имена были канонизированы. По своему характеру жития были назидательны и благодаря несложному сюжету легко воспринимались читателями. Автор жития давал такой образ святого, который примером своей жизни утверждал истинность основных положений христианского вероучения.

Например, «Сказание о Борисе и Глебе» повествует о братьях-мучениках, первыми причисленных Русской православной церковью к лику святых. Сюжет об идеальной братской любви, верности долгу и Русской земле был очень популярен, так как Русь этой эпохи сотрясали постоянные княжеские междуусобицы.

Автором жития Бориса и Глеба был монах Киево-Печёрского монастыря преподобный Нестор. Ему же принадлежит ещё одно жизнеописание – Феодосия Печёрского. Образ святого получился очень живым и ярким. «Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силён. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах». «Житие Феодосия Печерского» – это художественное изображение жизни, со страниц этого памятника смотрят на нас словно живые лица той далёкой эпохи, в нём раскрываются

патриотические раздумья автора о судьбах его родной земли.

Одним из древнейших жанров русской литературы была **летопись**. Летопись – это «писание по летам», т. е. годам. Метод составления летописи заключался в том, что отдельные лица, в большинстве принадлежавшие к княжеско-боярской или монастырской среде, записывали те или иные события, свидетелями которых они были или что-либо о них слышали.

В 1110 году Нестор закончил работу над летописным сводом «Повесть временных лет». Летописец поставил перед собой задачу: выяснение вопроса о происхождении русского народа и Русского государства. Однако он расширил повествование и сумел связать историю русского народа с историей всего человечества.

Древняя русская летопись не исчерпывается только записью событий, она включает поучительные и поэтические элементы, почерпнутые как из устных, так и из письменных источников. Так, в «Повесть временных лет» было включено «Поучение Владимира Мономаха» – своего рода духовное завещание великого киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха своим детям.

Владимир Мономах был выдающейся личностью своего времени. Во время его правления были достигнуты заметные успехи, обеспечившие процветание Древнерусского государства. Славу и уважение современников заслужил князь неустанной борьбой с половцами: по словам летописца, он «много утёр пота за землю Русскую».

Спокойно и мудро звучат наставления Мономаха, он обращается не только к своим детям, но ко всему молодому поколению, пытаясь предостеречь его от нравственных и политических ошибок.

Вопросы и задания

1. Что способствовало возникновению литературы на Руси и как это отразилось на её содержании?

2. Какие особенности летописей вы можете выделить?

Можете ли вы назвать отличительные черты жанра «поучение»?

1. Как трактуется в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» библейский сюжет о сошествии Христа на землю и принятии им мук за грехи людские?

2. Попробуйте доказать, опираясь на приведенный отрывок из текста «Жития Феодосия Печерского», что перед вами художественное изображение святого.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв. *Золотое слово русской литературы*

Около восьми веков назад, в 1177 году, было создано «Слово о полку Игореве» – гениальное произведение древней русской литературы. Протекшие столетия не приглушили его поэтического звучания и не стёрли красок. Интерес к «Слову о полку Игореве» не только не уменьшился, но становится всё более и более широким, всё более и более глубоким. Почему же так долговечно это произведение, столь небольшое по своим размерам? Почему идеи «Слова» продолжают волновать нас?

Любовь к родине вдохновляла автора «Слова о полку Игореве». Она как бы водила его пером. Она же сделала его произведение бессмертным – равно понятным и близким всем людям, подлинно любящим свою родину, свой народ.

«Слово о полку Игореве» проникнуто большим человеческим чувством – тёплым, нежным и сильным чувством любви к родине. «Слово» буквально напоено им. Это чувство сказывается и в том душевном волнении, с которым автор «Слова» говорит о поражении войск Игоря, и в том, как он передаёт слова плача русских жён по убитым воинам, и в широкой картине русской природы, и в радости по поводу возвращения Игоря.

Значение «Слова» особенно велико для нас ещё и потому, что оно является живым и непререкаемым свидетельством высоты древнерусской культуры, её самобытности и её народности.

Этот памятник вечно свеж. Каждая эпоха находит в нём новое и своё. Это предназначение подлинных произведений искусства: они говорят новое новому, и они всегда современны.

Слово о полку Игореве. *В сокращении (Перевод Д. Лихачева)*

Пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть начнётся же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Ибо Боян вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волко́м по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времён усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Реде́дю пред полками каsóжскими,
красному Роману Святославичу.

Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.
Начнём же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навёл свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.
Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих,
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем пленённым быть;
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим
на синий Дон».
Ум князя уступил
желанию,
и охота увидать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, – сказал, – копьё преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.
Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:

«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок бегут
к Дону великому».
Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,
Велесов внук:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле!»
Игорь ждёт милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы – Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзы́х коней,
а мои-то готовы,
ещё раньше оседланы у Курска.
А мои-то куряне – опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться – земле незнаемой,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,

и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!
И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полу́ночи,
словно лебеди вспугнутые.

А Игорь к Дону воинов ведёт!
Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки угрозу вздымают
по оврагам;
орлы клёктом на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червлёные щиты.

О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щёкот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлёнными щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю – славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассеявшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлён стяг,
белая хоругвь,
червлёна чёлка,
серебряно древко —

храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, чёрный ворон,
поганый половец!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
чёрные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.
Ярый тур Всеволод!
Незыблем ты в самой передней обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая, —
там лежат поганые головы половецкие.

Расщеплены саблями калёными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь,
и богатство,
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
свычаи и обычаи?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в золотое стремя в граде Тмуторокани,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зелёное погребальное покрывало
постлала
за обиду Олега,
храброго и молодого князя.
С той же Каялы Святополк полелеял отца своего
между венгерскими иноходцами
ко Святой Софии к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и разрасталось усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах жизни людям сокращались.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли,
трупы между собой деля,
а галки по-своему переговаривались,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копья булатные
в поле незнаемом,

среди земли Половецкой.
Чёрная земля под копытами костьми была засеяна
и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
издалека рано пред зорями?
Игорь полки поворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина недостало;
тут пир докончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Даждьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крыльями
на синем море у Дона;
плескаясь, прогнала времена обилия.
Борьба князей против поганых прервалась,
ибо сказали брат брату:
«Это моё, и то моё же».
И стали князья про малое
«это великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, – к морю!
А Игорева храброго полка не воскресить!
По нём кликнула Карна, и Желя
поскакала по Русской земле,
горе людям мыкая в пламенном роге.
Жёны русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад

ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а злата и сребра совсем не погладить».

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.
Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский —
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озёра,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от Лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь, исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравы
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы —
реки половецкой, —
просыпав русского золота.
Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забралы,
а веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.

«Этой ночью с вечера одевали меня, – говорит, —
чёрным покрывалом
на кровати тисовой;
черпали мне синее вино,
с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька
в моём тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предгардье стоял лес Кияни,
и понеслись они, вороны, к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя
или испить шлемом Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганых,
а самих опутали
в пути железные».
Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли,
и с ними два молодых месяца —
Олег и Святослав —
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простёрлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.

А мы уже, дружина, остались без веселья!

Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.
Но без чести для себя вы одолели,
без чести для себя кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.
Это ли сотворили вы моей серебряной седине?
А я не вижу уже могущества
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татранами,
и с шельбирами,
и с топчаками,
и с ревугами,
и с ольберами.
Те ведь без щитов, с засапожными ножами,
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: „Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!“
А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Когда сокол в линьке бывает,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло – князья мне не пособляют:
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
и Владимир – под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Неужели и мыслию тебе не прилететь издалека
отчий златой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу вёслами расплескать,
а Дон шлемами вылить!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногате,
а раб по резани.
Ты ведь можешь посуху
живыми копьями стрелять —
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
золочёными шлемами в крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыскает, как туры,
раненные саблями калёными
на поле незнаемом?
Вступите же, господа, в золотые стремена
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича! <…>
О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским;
теперь же встали стяги Рюриковы,
а другие – Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!
На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует:
«Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю,
омочу шёлковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?

Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих лёгких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе было под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, моё веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале,
приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слёз
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простёрло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю Бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!

Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студёную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.
Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».
Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зелёную траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зелёного дерева;
ты стерёг его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернядями на ветрах».

Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На тёмном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.

Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.
То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке,
да соловьи весёлыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколёнка
своими золочёными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
то опутаем мы соколёнка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколёнка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь идет по Боричеву
ко святой Богородице Пирогощей.
Сёла рады, грады веселы.
Певши песнь старым князьям,

потом и молодым петь:
«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»
Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

Вопросы и задания

▸**1.** Почему, на ваш взгляд, «Слово о полку Игореве» ряд исследователей относят к воинским повестям? Ответ обоснуйте.

2. Что явилось главным для автора – повествование о походе Игоря или лирический отклик на него? Какое начало – эпическое или лирическое преобладает в «Слове…»? Определите и докажите, к какому литературному роду относится произведение.

▸▸**1.** Найдите в тексте характерные для народной поэзии сравнения и уподобления героев (Ярославны, Игоря, Всеволода и других) различным животным и птицам. В чём вы видите смысл этих сопоставлений? Ответ обоснуйте.

2. Приведите примеры поэтических приёмов и образных средств, присущих устному народному творчеству (фольклорные эпитеты, метафоры, гиперболы, олицетворения, повторы).

3. Какую роль играют образы природы в «Слове о полку Игореве»? Почему солнце прикрывает тьмой воинов Игоря? Вспомните обращение Ярославны к солнцу. Связаны ли эти два эпизода? Приведите ещё примеры.

▸▸▸**1.** Каким вам представляется автор «Слова о полку Игореве»? Подтвердите своё впечатление текстом.

2. Какое значение имеет образ певца-поэта Бояна? Прочитав вступительные слова Д. С. Лихачёва, сделайте вывод, чем отличается авторское повествование от повествования Бояна.

3. Составьте план ответа на тему: «Образы князей в „Слове о полку Игореве“». (Каким рисует автор «Слова…» Игоря? Каково его отношение к другим князьям? К чему призывает всех русских князей автор «Слова о полку Игореве»?)

4. По определению литературоведа А. С. Орлова, героем «Слова о полку Игореве» является не какой-нибудь из князей, а вся Русская земля. Как вы понимаете эту мысль? Какая единая

мысль и настроенность пронизывает всё произведение? Какую очень важную для своего времени идею выразил автор «Слова о полку Игореве»?

В. И. Стеллецкий. *Причеть-моление Ярославны. Стихотворное переложение*

На Дунае голос Ярославны слышен,
На заре кукушкой одинокой кличет.
«Полечу кукушкой, – молвит, – по Дунаю,
Свой рукав шелкóвый омочу в Каяле,
Оботру кровавые, горюя, раны
На могучем теле лады-князя».

Ярославна на стене Путивля-града
Спозаранок плачет, причитая:

«Ветер, господин мой!
Для чего ты встречной силой веешь?
Для чего несёшь на легких крыльях
Вражеские стрелы
На полки супруга-лады,
Или тебе мало в вышине под облаками веять,
Корабли лелеять в синем море?
Для чего же, господин, моё веселие
Ты в степи по ковыль-траве развеял?»

Ярославна на ограде города Путивля
Утром рано плачет, причитая:

«Днепр Словутич!
Средь степи великой, половецкой,
Ты пробил волна́ми каменные горы,
Ты ладьи лелеял Святослава
До полков Кобя́ка,
Прилелей ко мне ты ладу, господин мой,
Чтоб не слать к нему мне слёз на море рано!»

На стене Путивля-града Ярославна
Спозаранок плачет, причитая:

«Солнце светлое, тресветлое ты, Солнце!
Всем тепло ты, ты для всех прекрасно!
Для чего же знойные лучи послало,
Господин мой,
Ты на воинов супруга-лады

И в степи безводной, половецкой,
Луки ты им жаждою свело
И колчаны горестью замкнуло?»

И. И. Козлов. *Плач Ярославны. Вольное подражание*

Княгине З. А. Волконской

То не кукушка в роще тёмной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:
«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:
«Ветер, ветер, о могучий!
Буйный ветер, что шумишь?
Что ты в небе чёрны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты лёгкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:
«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли?
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли,
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил.
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студёных вод, —
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывёт».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:
«О река! отдай мне друга —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слёз к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:
«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что́ сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».
И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

Вопросы и задания

Почему Ярославна трижды обращается к разным силам природы?

Найдите в плаче Ярославны характерные для народной поэзии черты. Сравните текст «Слова…» и его литературные переложения. Объясните значение фольклорных символов, возникающих в словах Ярославны.

1. Прочитайте переложения плача Ярославны

В. И. Стеллецкого и И. И. Козлова. Чем отличаются эти тексты и что в них общего?

2. Какой образ стремились создать поэты?

Литература XVIII века

М. В. Ломоносов. Г. Р. Державин. Н. М. Карамзин.

О русской литературе XVIII века

«Осьмнадцатое столетие». Такое название дал своему стихотворению Александр Николаевич Радищев, выдающийся писатель-мыслитель, несгибаемый обличитель деспотизма, автор знаменитой книги «Путешествие из Петербурга в Москву», за публикацию которой поплатился длительной ссылкой в Сибирь. В 1801–1802 годах он в поэтической форме подводил итоги ушедшего века.

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех.
……
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек…

Противоречивая на первый взгляд оценка итогов прошедшего века объясняется противоречиями самой российской действительности той эпохи. Это был век созидания, торжества Просвещения, расцвета культуры, свободного человеческого разума и одновременно век разрушения, крови, восстаний, непримиримых противостояний. В XVIII столетии в России созданы выдающиеся произведения, истинные шедевры литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, достигнуты крупные успехи в науке и технике.

Оценивая минувший век, Радищев отдавал должное Петру I и своей гонительнице Екатерине II, хотя был противником самодержавия и политики императрицы.

Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.

Пётр и ты, Екатерина! дух ваш живёт ещё с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою…

О русском классицизме

В тридцатые годы XVIII века основным направлением в русском искусстве становится **классицизм.** Его крупнейшими представителями в литературе были А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, Г. Р. Державин, в живописи – А. П. Лосенко, Д. Г. Левицкий, в архитектуре – В. И. Баженов, М. Ф. Казаков. Что же их объединяло, какие задачи они ставили перед своим творчеством?

Слово «классицизм» образовано от латинского classicus, что значит «образцовый». В XVIII веке образцовыми считались произведения античного искусства, и классицисты стали обращаться к античности. Это выражалось в использовании писателями и художниками античных сюжетов и образов, элементов греческой и римской мифологии.

Следуя традициям древних авторов, а также европейских классицистов, русские писатели утверждали в своих произведениях идеи просвещённого абсолютизма, патриотизма, гражданственности, воспитания истинных сынов Отечества. Развитие этих идей вы увидите, читая оды Ломоносова и Державина. Однако наряду с восхвалением русские писатели позволяли себе высказывать критическое отношение к абсолютной монархии, обличать тиранию и произвол, попрание законов государства. Это способствовало развитию сатирической направленности русского классицизма.

Конфликты произведений классицизма всегда строились на столкновении долга, разума и чувства, и решались они в пользу долга, утверждения приоритета обязанностей перед государством, законами, нравственными нормами.

Классицисты строго следовали делению литературных жанров на высокие и низкие. К высоким относились ода, трагедия, героическая поэма, к низким – сатира, комедия, басня.

О строгом разграничении жанров писал поэт-классицист А. П. Сумароков:

Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнёшь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:

Слезами Талию, а Мельпомену смехом[1]…

Герои произведений классицизма обычно имели какую-то преобладающую черту характера, делились на исключительно положительных или отрицательных.

Одной из важнейших композиционных особенностей драматического произведения было соблюдение единства места, времени и действия.

Такие общие правила классицизма, которых придерживались и западноевропейские, и русские писатели, основывались на требовании простоты, стройности и логичности.

Однако **русский классицизм имел ряд национальных особенностей** – это повышенный интерес художников слова к историческому прошлому страны, интерес к фольклору, перенесение акцента с идей абсолютной монархии на идею просвещённого абсолютизма, развитие сатирического направления. Отсюда возникли новые в истории классицизма антидеспотические и тираноборческие идеи, выразившиеся в обличении пороков людей, наделённых властью, и проявлении внимания к судьбе простого русского человека, крепостного крестьянина.

Выдающимися представителями русского классицизма, его основателями являются А. Д. Кантемир и А. П. Сумароков.

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744). Как поэт, Кантемир работал в самых различных жанрах, но главным из них была **сатира**, то есть развёрнутое стихотворение обличительного характера. В первой сатире «На хулящих учение (К уму своему)» показана целая галерея образов невежд. Здесь и ханжа Критон, и ворчливый помещик Силван, пьяница и гуляка Лука, щеголь Медор, даже представитель высшего духовенства – епископ. Всех их объединяет ненависть к науке, просвещению: у каждого свои основания «хулить» (ругать) учение. Критон, например, считает, что

Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врёт, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает…

Святоше вторит помещик, также не видящий от науки никакой практической пользы:

Землю в четверти делить без Евклида смыслим;
Сколько копеек в рубле – без алгебры счислим.

Автор едко высмеивает защитников допетровской старины, показывает враждебность их русскому обществу. Вместе с тем он горестно замечает:

Гордость, леность, богатство – мудрость одолело.
……
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита…

Александр Петрович Сумароков (1717–1777) – теоретик и выдающийся представитель русского классицизма. Литературную деятельность начал с двух од, посвящённых императрице Анне Иоанновне. Работал он с исключительной активностью и создал произведения практически всех жанров классицизма: трагедии, комедии, оды торжественные и духовные, песни, элегии, сатиры, басни, эпистолы (послания), эпиграммы.

В 1748 году Сумароков создал две эпистолы – «О стихотворстве» и «О русском языке», в которых были сформулированы правила русского классицизма.

Как талантливый и плодовитый драматург Сумароков стоял у истоков русского театра. В 1771 году он пишет трагедию «Димитрий Самозванец», в которой резко осуждает тиранию и проводит мысль о праве подданных (разумеется, он имел в виду дворян) на восстание против деспотического монарха. С подмостков театра прозвучало пожелание свергнуть с престола царя-тирана, «Москвы, России врага и подданных мучителя». По мнению автора, Димитрий был низложен не потому, что он самозванец, а потому – что тиран.

Шуйский.

Димитрия на трон взвела его порода.

Пармен.

Когда владети нет достоинства его,
Во случае таком порода ничего.
Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.

В соответствии с законами классицизма Сумароков создал

прямолинейный, нарисованный исключительно чёрными красками образ изверга на троне.

Сей муж отечества смертельная был рана.
Зрим в образе его убийцу и тирана.
За варварство злодей утратил наконец
Безвременно и жизнь, и скипетр, и венец.

Не менее прямые характеристики даёт себе и сам Димитрий.

Я к ужасу привык, злодейством разъярён,
Наполнен варварством и кровью обагрён.

Вопросы и задания

1. Какие вопросы поднимал в своих произведениях А. Д. Кантемир?

2. За какие идеалы ратовал А. П. Сумароков?

1. Почему А. Н. Радищев называет «осьмнадцатое столетие» одновременно безумным и мудрым?

2. Охарактеризуйте классицизм как литературное направление. Назовите черты русского классицизма.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765)

Юноши с особенным вниманием и особенной любовью должны изучать его жизнь, носить в душе своей его величавый образ.

В. Г. Белинский

Михаил Васильевич Ломоносов родился на Севере России, в деревне Мишанинской Холмогорского уезда Архангельской области, в семье крестьянина, занимавшегося морским промыслом. Благодаря физической силе, бесстрашию Михаил стал отличным рыбаком, дельным помощником отцу. Однако с раннего возраста мальчик пристрастился к книгам, это повлияло на его решение отправиться учиться в Москву. В 1730 году, скрыв крестьянское происхождение и выдав себя за холмогорского дворянина, Ломоносов поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Через шесть лет в числе лучших он был послан в Петербургский университет, и уже осенью 1736 года его отправляют на учёбу в Германию, в Марбургский университет. В 1739 году вместе с другими русскими студентами переезжает во Фрейберг для углублённого постижения основ металлургии.

В 1741 году Ломоносов вернулся в Петербург и был зачислен в штат Академии наук адъюнктом физического класса, а в 1745 году он становится профессором. Двадцать три года работал Ломоносов в академии, закладывая основы отечественной науки. Он занимался одновременно многими научными дисциплинами, его энциклопедизм поразителен. Так, занимаясь лингвистикой, Ломоносов разработал первую научную «Российскую грамматику», как общественный деятель и просветитель, добился открытия в Москве первого русского университета.

Значителен вклад М. В. Ломоносова в развитие литературы. Первые стихотворения написаны были ещё в годы его учения в Славяно-греко-латинской академии в качестве практических заданий. Начало же литературной деятельности следует отнести к 1739 году – создание «Оды на взятие Хотина». С тех пор ведущим жанром творчества Ломоносова стала ода. Им также разработаны жанры научной поэзии («Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», «Письмо о пользе стекла»). В стихотворении «Разговор с

Анакреоном», подводя итог творчеству, поэт объявляет себя сторонником героической тематики в литературе.

М. В. Ломоносов вошёл в историю литературы как реформатор русского стихосложения. В **«Письме о правилах российского стихотворства»** он говорит о силлабо-тонической системе сложения стихов. Опираясь, в частности, на стиховедческие работы Василия Кирилловича Тредиаковского, Ломоносов предложил использовать определённые стопы и дал им наименования. Первый род стихов он назвал ямбическим, второй – анапестическим, третий смешан из ямбов и анапестов произвольно, четвёртый – хореический, пятый – дактилический, шестой смешан из хореев и дактилей. Ломоносов, опираясь на разнообразие ударных слогов в русском языке, выступает за чередование мужской и женской рифм: «Российские стихи красно и свойственно на мужские и женские и три литеры гласные в себе имеющие рифмы… могут кончиться». В торжественных одах поэт рекомендует употреблять «чистые ямбические стихи». В своей поэтической практике Ломоносов использовал четырёхстопный ямб, ставший в дальнейшем надолго самым распространённым размером в русской поэзии.

Чтобы оценить наглядно успехи Ломоносова в области стихосложения, нужно сопоставить его стихи со стихами его ближайших предшественников или современников. Вот, к примеру, как по-разному в 1742 году изображали победу русской гребной флотилии над шведской парусной эскадрой Михаил Собакин и Михаил Ломоносов:

Ломоносов

Твой флот российский в понт дерзает,
Так роет он поверьх валов;
Надменно дерзость уступает,
Стеня от тягости судов.
Вослед за скорыми кормами
Бежит кипяща пена рвами.
Весёльный шум, гребущих крик
Наносят готам страх велик;
Уже надежду отвергает
И в мгле свой флот и стыд скрывает.

Собакин

Он отчаен взад бежит, а куды не знает.
По несчастью своему в воду попадает,
Но как по природе льву трудно плыть водою,

То находится стеснён лютою бедою.

Ломоносову принадлежит **теория «трёх штилей»**, изложенная им в предисловии к трактату «О пользе книг церковных». В зависимости от употребления трёх родов лексики русского языка рождаются три стиля: высокий, низкий, средний. Высокий характеризуется употреблением в произведениях, речах старославянской лексики. В таком стиле Ломоносов рекомендует писать оды, героические поэмы, «речи о важных материях». Такие заимствования из книг церковных отличают русский язык от языков европейских.

Средний стиль состоит по преимуществу из слов и выражений, широко используемых в современном языке (с ограниченным употреблением церковно-славянской лексики, а также слов низких). Таким стилем создаются все театральные сочинения, стихотворные дружеские послания, сатиры и элегии, в прозе – описания «достопамятных дел и благородных учений».

Низким стилем пристойно писать, по мнению Ломоносова, комедии, увеселительные эпиграммы, песни, дружеские письма. Здесь могут быть использованы простонародные низкие слова.

Определяя значение художественного творчества Ломоносова, современный исследователь литературы XVIII века В. И. Фёдоров подчеркнул: «Ломоносов был одним из первых теоретиков классицизма, а в его поэзии наиболее полно нашли своё отражение эстетические поиски и эстетический идеал русского классицизма общенационального направления».

Ода на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. *В сокращении*

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина[2],
Блаженство сёл, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы[3] на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Своё богатство по земли.

Великое светило миру,

Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,

Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа её зефира тише,
И зрак прекраснее рая́[4].

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя, приняв, облобызала:
«Мне полно тех побед, – сказала, —
Для коих крови льётся ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый Запад и Восток».

……
Молчите, пламенные звуки[5],
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами,
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни:
Послал в Россию Человека,
Каков не слыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

……
Но, ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив[6] рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски[7] восстенали,
И музы воплем провожали
В небесну дверь пресветлый дух.
В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь её продлилась,
Давно б Секвана[8] постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
С толикой горести Парнас?
О, коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все хо́лмы покрывают лики,
В долинах раздаются клики:
«Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь».

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб её мешает
Плачевный побеждённых стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава,
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течёт:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветёт.

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Когда сокровища открыл,
Какими хвалится Инди́я, —
Но требует к тому Россия
Искусством утверждённых рук
Сиё злату́ очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

……
О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих, —
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов[9]
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,

В покое сладки и в труде.
Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Вопросы и задания

▸**1.** Как вы думаете, почему ода стала одним из главных жанров литературного творчества М. В. Ломоносова?

2. Какова, по-вашему, главная, ведущая тема «Оды на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года»? Как с ней связаны другие, казалось бы, свободно развивающиеся темы?

3. Какова роль заключения в оде? Как оно связано с основной темой?

4. Какое отношение выразил Ломоносов к Петру I? Какие художественные приёмы, свойственные классицизму, использованы в обрисовке Петра? Как они воздействуют на восприятие читателя?

▸▸**1.** Как изображена в оде Россия? Что привлекает внимание поэта? Какие эпитеты и сравнения использует он, чтобы воссоздать образ Родины?

2. Каким стилем написана ода? Какова роль этого стиля в раскрытии идейно-художественного содержания оды?

3. Какую роль сыграла теория «трёх штилей» в развитии русской словесности?

▸▸▸**1.** Попробуйте охарактеризовать образ императрицы, созданный Ломоносовым в оде. Сопоставьте его с изображением Елизаветы на известных вам портретах русских художников XVIII века.

2. Что же, по мнению автора, необходимо, чтобы Родина стала действительно процветающей, а народ жил в довольстве и благополучии?

3. Какие новшества внёс Ломоносов в русское стихосложение?

Гаврила Романович Державин (1743–1816)

Ум и сердце человечье
Были гением моим.

Г. Р. Державин

С Державина начинается новый период русской поэзии, и как Ломоносов был первым её именем, так Державин был вторым. В лице Державина поэзия русская сделала великий шаг вперёд.

В. Г. Белинский

У Гаврилы Романовича Державина была интересная и сложная жизнь, с частыми взлётами и падениями. Сын обедневших мелкопоместных дворян из старинного рода, который вёл своё начало с XV века от татарского мурзы Багрима, Державин прошёл путь от рядового солдата до министра юстиции, занимал ряд важных государственных постов. При этом он никогда не изменял своим убеждениям, которые высказывал невзирая на лица, обладая прямым, резким, принципиальным характером. По своим взглядам, типичным для писателей-классицистов, Державин был приверженцем просвещённой монархии, верил в разум и справедливость верховного правителя и там, где служил, пытался добиваться правды. Честным исполнением служебного долга, независимостью характера и стремлением бороться против мздоимства «сильных мира сего», их жестокого отношения к крепостным он вызывал к себе ненависть сановников, что приводило к очередному недовольству его деятельностью и очередной отставке. К крестьянским же восстаниям относился резко отрицательно и участвовал в подавлении пугачёвского бунта.

В мае 1783 года была опубликована ода «Фелица» без ведома автора, так как тот боялся гнева осмеянных им вельмож. Екатерина Романовна Дашкова преподнесла журнал императрице, которой ода понравилась. Державин сразу же сделался знаменитым. Вскоре открылась Российская академия

(словесности), президентом которой была избрана княгиня Е. Р. Дашкова, а Державин стал членом новой академии.

Обратила внимание на поэта сама императрица, пожаловала ему золотую табакерку и большую сумму денег, а также назначила на ответственную службу сначала губернатором в Олонецкую губернию, а через год – губернатором в Тамбов. На этих постах Гаврила Романович развернул кипучую деятельность по поддержке народного образования и культуры: открывал школы, народные училища, сиротские дома, театры, типографию. Чиновники же усердно писали доносы в Сенат. Председатель Сената А. А. Вяземский, давний недруг Державина, завёл на него дело и передал его в суд, но в деятельности губернатора никаких нарушений не усмотрели.

К тому времени дом Державина в Петербурге становится центром культурной жизни. Верный своему характеру, Державин не побоялся вступиться за приговорённого к смертной казни Радищева.

Побывал Державин и на должности статс-секретаря Екатерины II, ему было поручено наблюдать за законностью решений Сената. Затем его произвели в чин тайного советника и сенатора. Но недолго он смог трудиться на этом поприще. Вновь пошли жалобы. В конце концов состоялось дипломатическое отстранение его от всех дел в виде перевода на должность президента коммерц-коллегии с приказом никакими делами не заниматься, ни во что не вмешиваться. Итогом наблюдения над нравами высшего чиновничества стала одна из лучших од Державина **«Вельможа»:**

Осёл останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

……
Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Пётр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле

И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь – коль мой сияет дух;
Владелец – коль страстьми владею;
Болярин – коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь.

Попытки честно служить отечеству предпринимал Гаврила Романович и при Александре I. Он дошёл до чина действительного тайного советника, однако ему не удалось издать собрания своих сочинений без искажения их цензурой. Когда же он потребовал произвести расследование обстоятельств смерти Павла I, то был уволен от всех должностей, кроме сенаторской. Затем на короткое время занял должность министра юстиции, но был уволен за слишком ревностную службу.

Последние годы жизни Державин занимался исключительно литературной деятельностью.

В творчестве поэта продолжают развиваться героические мотивы, присущие классицизму, и тем не менее его поэзия несёт на себе печать уже нового периода русской жизни. Более резко, чем у Ломоносова и Сумарокова, звучит в ней сатирическое обличение «властителей и судей».

В **оде «Фелица»** перед читателем предстает реальный мир: современные политические события, придворный и усадебный быт, картины сельской жизни, природа средней полосы России. Главным предметом изображения стала человеческая личность – не условный, вымышленный герой, а живой современник. Поэт заговорил в стихах о самом себе, раскрыл страницы собственной биографии. Низкое и печальное, высокое и смешное соединились

в одном произведении, отразив жизнь в её развитии.

Типичное для оды восхищение, обращённое к Екатерине II:

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растёт,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти её совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб, —

сочетается с описанием бытовых подробностей не только нейтральной, но даже и разговорной лексикой.

Мурзам[10] твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая

Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем[11],
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

…….
А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,

Кружу в химерах[12] мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

……
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку[13] с нею веселюся,
То ею в голове ищуся,
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову[14] читаю;
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь…

Властителям и судиям

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят – и не знают!

Покрыты мздою[15] очеса[16]:
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падёте,
Как с древ увядший лист падёт!
И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царём земли!

Стихотворение «Властителям и судиям» является переложением 81-го псалма, сочинённого, по преданию, царём Давидом. Прочтите полный текст псалма и сопоставьте его со стихотворением Державина.

Вопросы и задания

1. К кому обращается Державин в стихотворении «Властителям и судиям»? Каков характер этого обращения (обличение, наказ, прославление)?

2. Как понимает Державин назначение правителей, «земных богов»?

3. Каков настоящий облик «властителей и судий»? Соответствует ли он представлению поэта о просвещённом государственном деятеле?

Каким стилем написано стихотворение «Властителям и судиям»?

1. Надеется ли поэт на исправление пороков власти?

2. Какие чувства испытывает автор, каково его личное отношение к адресатам и какими словами оно выражено?

3. Сопоставьте это стихотворение с одой Ломоносова. В чём, по-вашему, сходство и различие этих двух произведений?

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.

Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея[17] льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринуждённою рукой неторопливой
Чело твое зарёй бессмертия венчай.

Стихотворение «Памятник» – вольный перевод оды древнеримского поэта Горация «К Мельпомене», которая до Державина была переведена Ломоносовым, а после него – Пушкиным.

Вопросы и задания

▸Какие темы вы можете выделить в стихотворении «Памятник»?

▸▸**1.** Что, по-вашему, означает «забавный русский слог»?

2. Каким стилем написано это стихотворение? Есть ли в нём элементы высокого стиля? Какова роль старославянизмов в стихотворении?

▸▸▸**1.** Что мы вслед за Державиным понимаем под «чудесным» и «вечным» памятником, который твёрже металлов и «выше

пирамид»? В чём смысл противопоставления металла, пирамид и памятника, возведённого себе поэтом?

2. Как решается в стихотворении тема бессмертия? Почему автор уверен, что после смерти слава его возрастёт?

3. Что ставит Державин себе в заслугу как поэту и человеку?

О русском сентиментализме

В последние десятилетия XVIII века в России постепенно складывается новое литературное направление – **сентиментализм.** Определяя его особенности, П. А. Вяземский указывал на «изящное изображение основного и повседневного». В противоположность классицизму сентименталисты декларировали культ чувств, а не разума, воспевали простого человека, освобождение и совершенствование его естественных начал.

Философской основой этого творческого метода явилось учение сенсуализма Дж. Локка, считавшего ощущения важнейшим способом познания мира. Внесословная ценность человеческой личности, обладающей высокими душевными качествами, являлась основным идеалом сентименталистов, сформированным под воздействием идей эпохи Просвещения. Героем произведения сентиментализма становился человек незнатного происхождения, отличавшийся глубокими душевными переживаниями, чувствительностью. Он противопоставлялся людям, одержимым рассудочностью, пристрастием к деньгам, карьере, положению в свете. Среди известных произведений западноевропейского сентиментализма можно назвать «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, «Новую Элоизу» Ж. Ж. Руссо, романы С. Ричардсона и др.

В России представителями сентиментализма выступали Н. М. Карамзин (повести «Марфа Посадница», «Бедная Лиза»), И. И. Дмитриев, В. В. Капнист, в ранний период творчества В. А. Жуковский. Черты сентиментализма заметны и в творчестве А. Н. Радищева.

Излюбленные жанры сентиментализма: элегия, послание, эпистолярный роман (роман в письмах), дневник, путешествие, повесть. На смену господствующей драматургии приходит проза.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)

Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно учёный человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности.

А. С. Пушкин

«Карамзиным, – писал В. Г. Белинский, – началась новая эпоха русской литературы». Эта новая эпоха характеризовалась прежде всего тем, что литература приобрела влияние на самый широкий круг читателей. Именно Карамзин приохотил русских людей к чтению. «Карамзина читали все грамотные люди, претендовавшие на образованность, многих из них только Карамзин и мог заставить приняться за чтение книг и полюбить это занятие как приятное и полезное». Белинский называет литературную деятельность Карамзина подвигом. «Везде и во всём, – писал он, – Карамзин является не только преобразователем, но и начинателем, творцом». Критик выделил в истории литературы целый период, назвав его карамзинским.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 года в семье симбирского дворянина. (Память о Карамзине хранит и поныне город Ульяновск: памятник писателю стоит в сквере, расположенном между гимназией № 1 и библиотекой, носящей его имя. На памятнике вместе с изображением Карамзина мы видим статую музы истории Клио.) После непродолжительного обучения в Симбирске юноша продолжил образование в пансионе профессора Московского университета Шадена, откуда вышел с хорошей подготовкой. Из пансиона будущий писатель вынес убеждение, что высшей формой государственной власти является монархия, наиболее способная к приобретению, утверждению и возвышению славы отечества. Дворянство как высшее сословие должно жертвовать всем для общей славы.

В 1783 году Карамзин находился на военной службе, но после смерти отца вышел в отставку и вернулся в Симбирск, где занялся литературной деятельностью.

Некоторое время, находясь под влиянием известного писателя и издателя сатирических и философских журналов Николая Ивановича Новикова, Карамзин посещал в Москве его масонский кружок. Параллельно формировались и просветительские взгляды Карамзина. По поручению Новикова он редактировал журнал «Детское чтение для сердца и разума», что принесло большую пользу для формирования его писательского стиля, простого и доступного для демократического читателя. Под влиянием масонства у молодого литератора пробуждается интерес к внутренней жизни человека, к проблеме самопознания.

После заграничного путешествия Карамзин стал издавать ежемесячный «Московский журнал», в котором поместил «Письма русского путешественника», некоторые повести и стихи. В начале XIX века он редактирует «Вестник Европы», в котором создаёт не только литературно-художественный, но и критический отдел.

В 1803 году он начинает работать над многотомным трудом по истории России.

Литературная деятельность Карамзина охватывает период с середины 1780-х до середины 1820-х годов. Он стал первым и самым крупным представителем нового направления в литературе – сентиментализма. Он писал стихи, художественную прозу, публицистические, политические, теоретико-литературные статьи. Главная же книга Карамзина, над которой он работал в течение двух десятилетий и которая оказала большое влияние на русскую литературу XIX столетия, – «История государства Российского», прославила её автора как выдающегося историка. В этом произведении писатель показал важные события политической, гражданской и культурной жизни России, происходившие на протяжении семи веков; создал галерею характеров русских людей: князей, крестьян, полководцев, героев многочисленных сражений «за землю Русскую».

Николай Михайлович Карамзин умер в 1826 году, не закончив работу над 12-м томом, в котором описывал и анализировал события Смутного времени. Восхищённый историческими трудами Карамзина, А. С. Пушкин посвятил его памяти замечательную трагедию «Борис Годунов», созданную в период михайловской ссылки.

К соловью

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной нощи!
Глас твой мил душе моей.

Но почто ж рекой катятся
Слёзы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! Я вспомнил незабвенных,
В недрах хладныя земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травою,
Я остался сиротою…
Я остался в горе жить,
Тосковать и слёзу лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнею твоей?
С кем природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному —
Свет пустыня, мрак ему.

Скоро ль песнею своею,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

Вопросы и задания

1. Где слышал автор песню соловья?
2. Что в этой песне вызвало его сочувствие?
Какие приметы песни соловья особенно милы автору?
1. Какое будущее предвидит автор у песни соловья?
2. Какие признаки сентиментализма вы видите в этом стихотворении?

Бедная Лиза. ***В сокращении***

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си…нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных златых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река, волнуемая лёгкими вёслами рыбачьих лодок или шумящая под рулём грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. <…>

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си…нова монастыря – воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!

Саженях в семидесяти от монастырской стены, подле берёзовой рощицы, среди зелёного луга, стоит пустая хижина, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой

хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкой, матерью своей.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вёл всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наёмника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаём, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слёзы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, которая осталась после отца пятнадцати лет, – одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды – и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала её к слабо биющемуся сердцу, называла Божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила Бога, чтобы он наградил её за всё то, что она делает для матери. <…>

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы – и закраснелась. «Ты продаёшь их, девушка?» – спросил он с улыбкою. «Продаю», – отвечала она. «А что тебе надобно?» – «Пять копеек». – «Это слишком дёшево. Вот тебе рубль». Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, – ещё более закраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмёт рубля. «Для чего же?» – «Мне не надобно лишнего». – «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берёшь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил её за руку. «Куда же ты пойдёшь, девушка?» – «Домой». – «А где дом твой?» Лиза сказала, где она живёт, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать её, может быть для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались. <…>

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вёл рассеянную жизнь, думал только о своём удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала

впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали. Ему казалось, что он нашёл в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», – думал он и решился – по крайней мере на время – оставить большой свет. <…>

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в берёзовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, ещё в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зелёные ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались – но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, – говорила Лиза Эрасту, – когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!“, когда прижмёшь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю всё, кроме Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не знав тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих тёмен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». Эраст восхищался своей пастушкой – так называл Лизу – и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, – думал он, – не употреблю во зло любви её и буду всегда счастлив!» Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты своё сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих? <…>

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза её от слёз покраснели. «Лиза,

Лиза! Что с тобою сделалось?» – «Ах, Эраст! Я плакала!» – «О чём? Что такое?» – «Я должна сказать тебе всё. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». – «И ты соглашаешься?» – «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу её спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» Эраст целовал Лизу, говорил, что её счастие дороже ему всего на свете, что по смерти матери её он возьмет её к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» – сказала Лиза с тихим вздохом. «Почему же?» – «Я крестьянка». – «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности! Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей – никогда Лиза не казалась ему столь прелестною – никогда ласки её не трогали его так сильно – никогда её поцелуи не были столь пламенны – она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась – мрак вечера питал желания – ни одной звёздочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. – Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная, отчего, не зная, что с нею делается… Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность? <…>

Свидания их продолжались; но как всё переменилось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы – одними её любви исполненными взорами – одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, – а кто знает сердце своё, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение *всех* желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог *гордиться* и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала во всём, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала своё счастье. Она видела в нём перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» Иногда, прощаясь с ней, он

говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело», – и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец, пять дней сряду она не видела его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришёл он с печальным лицом и сказал: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идёт в поход». Лиза побледнела и едва не упала в обморок. <…>

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой воды, которою мать её лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретилась ей великолепная карета, и в сей карете увидела она Эраста. «Ах!» – закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дома, как вдруг почувствовал себя в Лизиных объятиях. Он побледнел – потом, не отвечая ни слова на её восклицания, взял её за руку, привёл в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, – он положил ей деньги в карман, – позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и поди домой». Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел её из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце моё обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его, – но язык мой не движется – смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти всё своё имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягчённый долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства – жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но всё сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» – вот её мысли, её чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести её в память. Несчастная открыла глаза –

встала с помощию сей доброй женщины, – благодарила её и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, – думала Лиза, – нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями её восторгов. Сие воспоминание потрясло её душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице её. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость – осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, кликнула её, вынула из кармана десять империалов и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке – они не краденые – скажи ей, что Лиза против неё виновата, что я таила от неё любовь свою к одному жестокому человеку, – к Э… На что знать его имя? – Скажи, что он изменил мне, – попроси, чтобы она меня простила, – Бог будет ей помощником, поцелуй у неё руку так, как я теперь твою целую, скажи, что бедная Лиза велела целовать её, – скажи, что я…» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти её, побежала в деревню – собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мёртвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы *там,* в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Её погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на её могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь её от ужаса охладела – глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привёл меня к Лизиной могиле. Теперь, может быть, они уже примирились!

Вопросы и задания

- Охарактеризуйте главную героиню повести. Какие

художественные средства выбраны автором для создания её внешнего и внутреннего облика? Как выражено отношение к ней писателя?

⏩**1.** Какими словесными деталями передаётся движение чувства Лизы к Эрасту – от робкой привязанности до пылкой страсти?

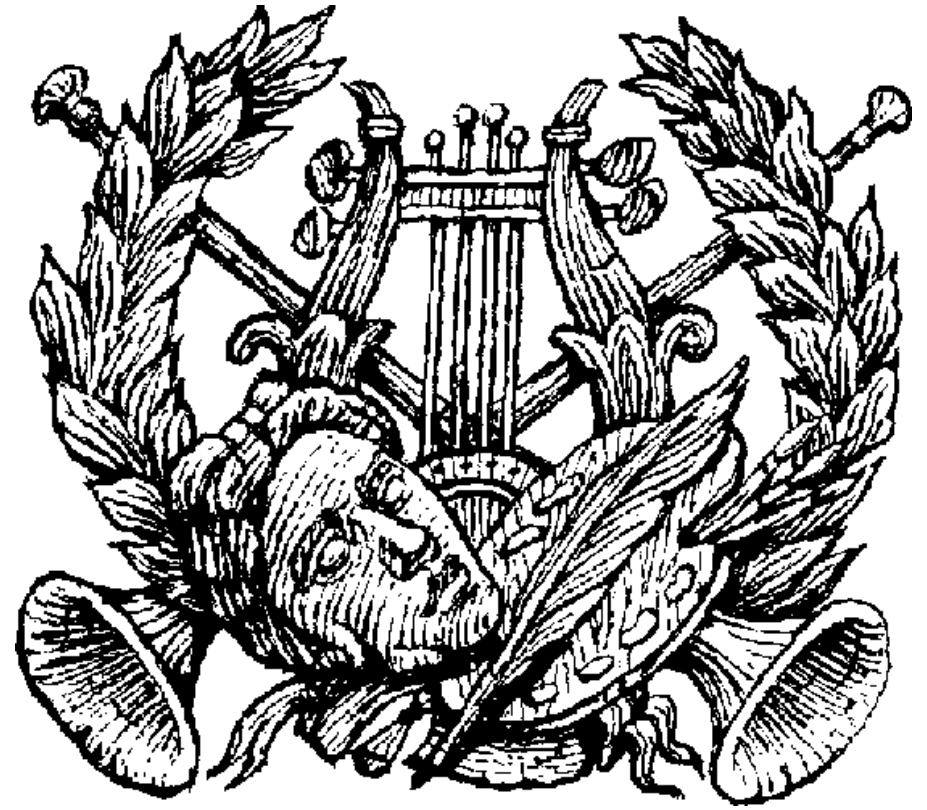
2. Обратите внимание на роль жеста в раскрытии внутреннего состояния героев. Проанализируйте этот приём автора.

3. Каково назначение лирических отступлений в повести?

4. В чем заключается роль пейзажа в повести? Как связан он с настроением и чувствами влюблённых?

⏩⏩Можно ли считать Эраста злодеем или коварным соблазнителем? Каким обрисовывает его Карамзин, как раскрывает своё к нему отношение? Сопоставьте манеру изображения Эраста с манерой изображения героев в произведениях русского классицизма на примере известных вам произведений.

Литература XIX века



А. С. Грибоедов. В. А. Жуковский. А. С. Пушкин. М. Ю. Лермонтов. Н. В. Гоголь. Ф. И. Тютчев.

О русской литературе XIX века

Начало XIX века часто называют «золотым веком» нашей поэзии, но нередко так характеризуют и всю литературу этого столетия.

Поток литературы несёт свои воды в потоке истории: они неразрывно сливаются между собой, и для определения роли каждого писателя в судьбах Родины необходимы неопровержимые свидетельства современников, находки исследователей, которые посвятили себя изучению родной литературы.

XIX век богат поисками новых литературных направлений. В творческих свершениях этого века литература далеко ушла по пути и **романтизма**, и **реализма**. В. А. Жуковский воплотил в своих произведениях лучшие стороны русского романтизма, А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов отдали щедрую дань этому яркому направлению. Идею свободы личности от общественных законов, которую утверждали романтики, опровергала жизнь, всё очевидней становилась зависимость каждого человека от общества, и её убедительно показывал реализм.

В истории литературы реализм возник как явление, спорящее с романтизмом. В реалистических произведениях интерес к исключительной личности, свойственный романтизму, сменился интересом к повседневному существованию обыкновенных людей. Личность всё более осмыслялась как часть общества, реалисты изображали человека в его многообразных связях с окружающим миром, в его конкретности, жизненной достоверности.

Предшествующие направления, включая и романтизм (классицизм, сентиментализм), заранее давали писателю определённую систему устойчивых представлений о мире, человеке, его разуме и душе. Писатель-реалист должен был сам отыскивать закономерности, управляющие действительностью и человеком, что принципиально изменяло его творчество. Реализм

бесконечно расширял возможности постижения действительности во всей её сложности и непредсказуемости. Поскольку становилась очевидной «сила исторических и социальных условий, влияющих на поведение человека», реализм стремился исследовать, как соотносятся между собой давление внешних обстоятельств и внутренняя свобода человека.

Реализм возникает в Западной Европе как метод исследования внутренних противоречий человека, которые вызывали неизбежные изменения в судьбах героев. В русском реализме ставится вопрос не столько об изменении конкретной судьбы человека, сколько вопрос об изменении самого героя или о преобразовании мира вокруг него.

Обычно отмечают стремительность развития русского реализма, его динамичность. Для произведений русского реализма было свойственно активное использование романтической традиции: она и в жажде преобразования человека и общества, и в поисках путей этого преобразования, которые часто были утопичными.

Нужно учесть, что реализм, в русле которого творили многие классики XIX века, не был однороден: он видоизменялся, отражая индивидуальные особенности каждого из писателей, специфику того конкретного периода, когда задумывалось или создавалось произведение.

XIX век – век реализма, который назван критическим. XX век продолжил поиски нового содержания и новых определений, которые помогут обозначить отличие этого этапа от всех предшествующих.

Вопросы и задания

▶▶▶**1.** Вспомните прочитанные вами произведения XIX века и попытайтесь определить, к какому литературному направлению (романтизму или реализму) они относятся. Ответ обоснуйте.

2. Подумайте, чем отличается реализм первой половины XIX века, который и в Европе и в России считается периодом становления реализма, от эпохи его зрелости (вторая половина столетия).

3. «Литература – учебник жизни». Согласны ли вы с этим утверждением Н. Г. Чернышевского?

4. Проследите, как меняется герой в произведениях классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма. Какие черты характера становятся ведущими у героев, которых создали писатели разных направлений?

Александр Сергеевич Грибоедов (1794–1829)

Ум от природы обильный, обогащённый глубокими познаниями, жажда к коим не оставляет его, душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, геройскому. Правила чести… характер живой… дар слова в высокой степени, приятный талант в музыке, наконец, познание людей делает его кумиром и украшением лучших обществ.

П. А. Бестужев

«Нет у специалистов разногласия, что о Грибоедове мы знаем чрезвычайно мало, – отмечает известный историк и писатель Н. Я. Эйдельман, – в 1826-м бумаги уничтожены перед арестом, в 1829-м растерзаны в Тегеране; позже сгорела драгоценная черновая тетрадь, оставшаяся у друзей…

Великий человек, чья дата рождения на сегодня точно неизвестна.

Особенна, таинственна внутренняя, личная жизнь Грибоедова… Наиболее известная грибоедовская примета – очки, за которыми на разных портретах – то лик холодный, надменный, иронический, то – весёлый, растрёпанный, беспомощный».

А вот мнение выдающегося литературоведа Б. М. Эйхенбаума: «Судьба Грибоедова – сложная историческая проблема, почти не затронутая наукой и вряд ли разрешимая научными методами из-за отсутствия материалов».

А. С. Пушкин, высоко ценивший Грибоедова, заметил: «Рождённый с честолюбием, равным его дарованиям».

Одна пьеса принесёт известность Александру Сергеевичу Грибоедову. Литература знает авторов одного сочинения, вернее, одного гениального сочинения, которое неизмеримо возвышается над остальными, тоже талантливыми. Грибоедов в литературу вошёл как автор комедии «Горе от ума», хотя написал ещё несколько пьес, а также поэм и стихотворений…

Грибоедов родился в именитой дворянской семье. Получил блестящее образование. Сначала дома, затем в Московском благородном пансионе, а позже – в Московском университете, где

закончил словесный и юридический факультеты и занимался на физико-математическом. С детства владел французским, английским, немецким и итальянским, позднее изучил греческий, латинский, персидский, арабский и турецкий языки. Он был музыкально одарённым человеком: играл на фортепиано, органе, флейте, сочинял музыку (сохранилось два вальса).

Общение в университете с П. Я. Чаадаевым, Н. М. Муравьёвым и Н. И. Тургеневым способствовало формированию у Грибоедова передового и независимого мировоззрения. В университете начали проявляться и его поэтические способности.

В 1812 году поступает добровольцем в армию, а после окончания войны с Наполеоном Грибоедов уходит в отставку. Он поселяется в Петербурге, поступает на службу в Коллегию иностранных дел, где знакомится с Пушкиным, Кюхельбекером, служащими там в это время. В столице Грибоедов общается с людьми, причастными к театру, сотрудничает в журналах, пишет пьесы.

Близость Грибоедова к В. К. Кюхельбекеру, К. Ф. Рылееву, А. А. Бестужеву бесспорна. Их объединяли общность взглядов и критическая оценка российского государственного устройства. Однако нет сведений об участии Грибоедова в тайных обществах.

В 1818 году Грибоедова назначают секретарём русской дипломатической миссии в Персии, где он проявляет свои незаурядные способности. В путевом дневнике Грибоедов запишет: «Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль… Голову мою положу за несчастных соотечественников». Все дела свои он делает с великим умением и страстью. «Дружбы ни с кем не имею и не хочу её, уважение к России и к её требованиям, вот что мне нужно».

В 1822 году Грибоедова переводят по службе в Тифлис, где он исполняет должность секретаря по дипломатической миссии при главноуправляющем Грузии знаменитом генерале А. П. Ермолове. В Тифлисе Грибоедов работает над первыми двумя актами комедии «Горе от ума».

После отпуска, продолжавшегося с 1823 по 1825 годы, Грибоедов возвращается на Кавказ, узнает о декабрьских событиях в Петербурге. Близость его к декабристам не осталась тайной для правительства. Грибоедова арестовывают, но, предупреждённый Ермоловым, он успевает уничтожить компрометирующие письма и бумаги. Следствие длится четыре месяца, Грибоедов отрицает принадлежность к какому-либо тайному обществу, что подтверждают и декабристы. Власти снимают обвинения и освобождают его из-под ареста. Удачному

завершению дела во многом способствовали мужество и самообладание Грибоедова.

В 1828 году заканчивается война с Персией, дипломатическим завершением которой явился выгодный для России Туркманчайский мирный договор, и большая доля заслуги в заключении этого договора принадлежит Грибоедову. Его друзья, среди которых Пушкин, Вяземский, радовались дипломатическим, государственным успехам Грибоедова: вчера – в крепости, сегодня – полномочный министр…

Царь внешне оценил заслугу дипломата, назначив его полномочным министром в Персию, но Грибоедов ясно понимал истинную цену царской награды. Его письма к друзьям исполнены мрачных предчувствий, назначение в Персию он рассматривает как «политическую ссылку», как «чашу страданий», которую ему предстоит испить. Близкие люди вспоминали потом, что Грибоедов имел дурные предчувствия: «Вы ещё не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдёт до ножей».

В Персии он успевает сделать много полезного, действуя энергично и настойчиво. Это не устраивает врагов России. 30 января 1829 года толпа фанатично настроенных персов нападает на русское посольство и учиняет разгром, совершённый с беспощадной жестокостью. Среди убитых и растерзанных толпою – Александр Сергеевич Грибоедов.

Грибоедова похоронили в Тифлисе. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» так описывает последнюю встречу: «Два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. „Откуда вы?“ – спросил я их. „Из Тегерана“. – „Что вы везете?“ – „Грибоеда“. Это было тело убитого Грибоедова, которое препроводили в Тифлис… Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». На его могиле надпись – слова жены, Нины Чавчавадзе, дочери известного грузинского поэта Александра Чавчавадзе: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Главное дело жизни Грибоедова, комедию «Горе от ума», А. Блок назвал «гениальнейшей русской драмой». Нет точных данных о времени возникновения замысла комедии. Предположительно идея родилась в 1816 году. С 1822 по 1824 годы продолжается работа над пьесой. Закончив «Горе от ума», Грибоедов приложил немало усилий, чтобы напечатать комедию, но ему это не удалось. Была запрещена цензурой и постановка пьесы.

Но несмотря на препятствия, комедия стала широко известна,

она разошлась в списках, вызывая восторг и восхищение. Некоторые современники Грибоедова утверждали, что в России находилось более сорока тысяч списков произведения. В своих воспоминаниях о поездке к Пушкину в Михайловское Пущин пишет: «Я привёз Пушкину в подарок „Горе от ума“; он был очень доволен этой тогда рукописной комедией».

Разрешена к печати с цензурными вырезками комедия была лишь в 1831 году.

Горе от ума. *Комедия в четырёх действиях, в стихах. В сокращении*

Действующие лица

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казённом месте.

Софья Павловна, его дочь.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, **Сергей Сергеевич.**

Наталья Дмитриевна, молодая дама, **Платон Михайлович**, муж её – **Горичи**.

Князь Тугоуховский и

Княгиня, жена его, с **шестью дочерями**.
Графиня бабушка, Графиня внучка – Хрюмины.
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
Г. Н.
Г. Д.
Репетилов.
Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество **гостей** всякого разбора и их **лакеев** при разъезде.
Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

Вопросы и задания

1. Прочитайте список действующих лиц. Что вы узнаёте из него о героях пьесы? Что «говорят» о персонажах комедии их фамилии?

2. Почему список действующих лиц часто называют афишей?

3. Объясните последовательность расположения героев в афише.

Действие I

Явление 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортепияно с флейтою, которые потом умолкают.

Лиза середи комнаты спит, свесившись с кресел.
(*Утро, чуть день брезжится.*)

Лизанька (*вдруг просыпается, встаёт с кресел, оглядывается*)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать – отказ.
«Ждём друга». – Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им…

(*Стучится к Софии.*)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за́ ночь.
Вы глухи? – Алексей Степаныч!
Сударыня!.. – И страх их не берёт!

(*Отходит от дверей.*)

Ну, гость неприглашённый,
Быть может батюшка войдёт!
Прошу служить у барышни влюблённой!

(*Опять к дверям.*)

Да расходитесь. Утро. – Что-с?

(*Голос Софии*)

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София (*из своей комнаты*)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София (*оттуда же*)

Неправда.

Лизанька (*прочь от дверей*)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что́ бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю, будет гонка,
Заставлю их играть.

(*Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.*) <…>

Явление 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас Бог не в пору вместе свёл?

София

Он только что теперь вошёл.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг, нельзя ли для прогулок

Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! – Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А все Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас Творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут…

София (*сквозь слезы*)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоём ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять

В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем;
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин…
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь…

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по ле́там,
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки!
Берём же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жёны их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
Безродного пригрел и ввёл в моё семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведён через моё содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери. <…>

(*Молчалину.*)

Идём бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нёс их для докладу,

Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(*Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперёд.*)

Явление 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что́ мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор…
Ты можешь посудить… <…>

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во́ веки веков.

Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну, разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он ба́лы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, —
Мне все равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитёр;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остёр,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится…

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех. <…>
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюблённым,
Взыскательным и огорчённым!
Остёр, умён, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко…
Охота странствовать напала на него,

Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко? <…>

Явление 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.

(*С жаром целует руку.*)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот приём!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоём
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на́ волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Вёрст больше седьмисот пронёсся, ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы рады? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь.
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнёт, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
Ах! Боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
Мы в тёмном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь…

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд…

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался – успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоём
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щёлкал соловьём,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,

В учёный комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж пространствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен! <…>
Вот новости! – я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлён,
И говорлив; а разве нет времён,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Ещё ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристаёт: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдёт до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София (*в сторону*)

Не человек, змея! <…>

Вопросы и задания

1. Попытайтесь словесно нарисовать первые сцены пьесы. Как выглядит гостиная? Какими вы представляете себе героев в момент их появления?

2. Найдите завязку комедии. Определите, какие сюжетные линии намечаются в первом действии.

3. Каковы ваши первые впечатления о Молчалине? Обратите внимание на ремарку в конце четвёртого явления первого действия. Как вы можете её объяснить?

4. Как Софья и Лиза оценивают Чацкого?

5. Как проявляется характер Софьи в первом действии? Как воспринимает Софья насмешки над людьми её круга? Почему?

Действие II

Явление 1

Фамусов, слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтём. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Фёдоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится;
То бережёшься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день… Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьём похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нём прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши, крестить.
Она не родила, но по расчёту
По моему: должна родить.

Явление 2

Фамусов, слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка. <…>

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! В сорок пуд…
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа в случае, тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьёзный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На ку́ртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́рядь – уж нарочно,

А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему смышлён:
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашён?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почёт?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии даёт?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, – ну-тка!

Чацкий

И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом;
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Все под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:
Но между тем кого охота заберёт,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок,
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: Ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! Боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живёт…

Фамусов

Да он властей не признаёт!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам…

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам. <…>

Явление 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее… <…>

(*Садятся все трое, Чацкий поодаль.*)

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно,
Спасибо научил двоюродный ваш брат,
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед роднёй, где встретится, ползком;
Сыщу её на дне морском.
При мне служа́щие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..

Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок;
Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть – так хват;
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. – читать!.. а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты:
То старших выключат иных,

Другие, смотришь, перебиты. <…>

Фамусов

И славно судите, дай Бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведётся,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберётся
Душ тысячи две родовых, —
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в се́мью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь ещё и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, – изволь;
Дверь отперта для званых и незваных,

Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодёжь,
На юношей – сынков и вну́чат,
Журим мы их, а если разберёшь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички? – Как их возьмёт задор,
Засудят об делах, что слово – приговор,
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их… беда!
Не то, чтоб новизны вводили, – никогда,
Спаси нас Боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и… разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке – по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдётся дело.
А дамы? – сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай Бог терпение, ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, всяк голову повесь,
Его величество король был прусский здесь;
Дивился не путём московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли кряхтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы́, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов (*Чацкому*)

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(*Скалозубу*)

Позвольте, батюшка. Вот-с Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти: так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом…

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забыты́х газет
Времён Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли вы, к кому меня ещё с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окружённый слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот ещё, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружён умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожи́ли до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдётся: враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;

Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывёт у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в жёнах, дочерях к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрёкся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлёкся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали! <…>

Вопросы и задания

Какой конфликт зарождается во втором действии? Когда и как это происходит?

1. Сопоставьте монологи Чацкого и Фамусова. В чём заключается сущность и причина разногласий между ними?

Действие III

Явление 1

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь её и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви, играть ей в жмурки,
А мне…

(*Входит София.*)

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал. <…>
Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! Боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные…

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда все решено?
Мне в пе́тлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Весёлость ваша не скромна,

У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы…

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например…

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий (*держит её*)

Постойте же.

(*В сторону.*)

Раз в жизни притворюсь.

(*Громко.*)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может, он не то, что три года назад;
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;

Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный… Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый;
Но есть ли в нём та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою – вы, вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нём какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чём, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умён, час от часу умнее;
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос;
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по свету, забыться и развлечься.

София (*про себя*)

Вот нехотя с ума свела! <…>

Явление 3

Чацкий, потом **Молчалин.**

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нём только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(*Входит Молчалин.*)

Вон он на цыпочках, и не богат словами,
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(*Обращается к нему.*)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за́ день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех…

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются;
А люди могут обмануться. <…>

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,

Потом разрыв… <…>

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это полно та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, притом
Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим. <…>
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трёх министрах был начальник отделенья,
Переведён сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых. <…>

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Своё суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты;
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий (*почти громко*)

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

Явление 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещённых комнат, **слуги** суетятся; **один из них**, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щёток и свечей! <…>

Явление 10

Те же и **Хлёстова**.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница, мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь – светопреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку.
Вели их накормить, ужо, дружочек мой;
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(*Села.*)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! Все ко́шачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же Господь такое племя!

Чёрт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с; в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят напоказ…
Я слышала, там… город есть турецкий…
А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоныч Загорецкий.

(*Загорецкий выставляется вперёд.*)

Лгунишка он, картёжник, вор.

(*Загорецкий исчезает.*)

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай Бог ему здоровье!

Чацкий (*с хохотом Платону Михайловичу*)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал. <…>

Явление 12

Те же и **Скалозуб**, потом **Молчалин**.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(*Подводит к Хлёстовой.*)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова (*сидя*)

Вы прежде были здесь… в полку… в том… в гренадёрском?

Скалозуб (*басом*)

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетёрском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдёмте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьёзный вист у нас. За нами, князь! прошу.

(*Его и князя уводит с собою.*)
Хлёстова (*Софии*)

Ух! Я точнёхонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец;
Дался ему трёх сажень удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин (*подает ей карту*)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(*Встаёт.*)
Молчалин

Ваш шпиц – прелестный шпиц; не более напёрстка,
Я гладил всё его; как шёлковая шёрстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(*Уходит, за ней Молчалин и многие другие.*)

Явление 13

Чацкий, **София** и **несколько посторонних**, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрёт,
В нем Загорецкий не умрёт!..
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? Да?

(*Уходит.*)

Явление 14

София, потом **Г. Н.**

София (*про себя*)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол! <…>
Он не в своём уме.

Г. Н.

Ужли с ума сошёл?

София (*помолчавши*)

Не то, чтобы совсем…

Г. Н.

Однако есть приметы?

София (*смотрит на него пристально*)

Мне кажется.

Г. Н.

Как можно в эти леты!

София

Как быть!

(*В сторону.*)

Готов он верить!
А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,

Угодно ль на себе примерить? <…>

Явление 21

Те же и **Хлёстова**, **София**, **Молчалин**, **Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб**, потом **Фамусов** и многие другие.

Хлёстова

С ума сошёл! прошу покорно!
Да невзначай! Да как проворно!
Ты, Софья, слышала?
Платон Михайлович
Кто первый разгласил?
Наталья Дмитриевна
Ах, друг мой, все!
Платон Михайлович
Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов (*входя*)

О чём? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовёт он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я: он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.
Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!
Наталья Дмитриевна
А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему. <…>

Фамусов

…Ученье – вот чума, учёность – вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдёшь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их;
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи,
Профессоры!! – У них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Фёдор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчёт лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налёг; ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль,
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин,
Был острый человек, имел душ сотни три. <…>

Явление 22

Те же все и **Чацкий**.

Фамусов

О Господи! помилуй грешных нас!

(*Опасливо.*)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(*Подходит к Софье.*)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой. <…>

София (*Чацкому*)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал и нашёл, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды…
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон:
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержён.
Куда деваться от княжён! —
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад,
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев;
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ,
Хотя по языку, нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным, странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!!» – забормотал мне кто-то…
Вообразите, тут у всех
На мой же счёт поднялся смех.
«*Сударыня*! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!»
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург, во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжён вселять участье;
И в Петербурге, и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей по несчастью голове
Пять, шесть найдётся мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,
Глядь…

(*Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.*)

Вопросы и задания

1. Каким обнаруживает себя Молчалин во время диалога с Чацким? Как он себя ведёт и что даёт ему право так себя вести?

2. Почему возникла и распространилась сплетня о сумасшествии Чацкого? Почему гости Фамусова так охотно поддерживают эту сплетню?

⏩**1.** Каковы жизненные идеалы фамусовского общества?

2. Объясните смысл и определите значение монолога Чацкого о французике из Бордо.

Действие IV

Явление 4

Чацкий, **Репетилов** (*вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется*).

Репетилов

Тьфу! оплошал. Ах, мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher![18]
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас… растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою,
И растянулся во весь рост.
Пожалуй, смейся надо мною,
Что Репетилов врёт, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдёшь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня Господь…

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну своё рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что́ бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга…

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!

Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трёх разом!
Пил мёртвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! – всю ночь не рыщу напролёт.

Чацкий

Вот нынче, например?

Репетилов

Что́ ночь одна, не в счёт,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожалосто молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз…

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берёт,
Вслух, громко говорим, никто не разберёт.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодёжи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы! у нас… решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим – подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только? <…>

Явление 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд:
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София (*вся в слезах*)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! Боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка, вот будет благодарен.

Явление 14

Чацкий, **София**, **Лиза**, **Фамусов**, толпа **слуг** со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать её, покойница жена.
Бывало я с дражайшей половиной
Чуть врознь: уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся Бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий (*Софии*)

Так этим вымыслом я вам ещё обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подерётесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвёл ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:

Изволь-ка в избу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Ещё дни два терпение возьми;
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни просёлком;
И ваша такова последняя черта,
Что чай ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий (*после некоторого молчания*)

Не образумлюсь… виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё ещё мне объяснить хотят,
Растерян мыслями… чего-то ожидаю.

(*С жаром.*)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о Боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки, всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресёк,

И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(*Насмешливо.*)

Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей.
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдётся благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой, и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь, и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нём рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорблённому есть чувству уголок!
Карету мне, карету!

(*Уезжает.*)

Явление 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошёл?
Скажи сурьёзно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба ещё ли не плачевна?
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

Вопросы и задания

Критики заметят, что не только общественный порыв Чацкого, но и болтовня Репетилова могут быть поняты как авторский взгляд на декабризм. Зачем введён в комедию Репетилов? Как вы понимаете этот образ?

1. Почему литературовед А. Лебедев называет молчалиных «вечно молодыми старичками российской истории»? Каково истинное лицо Молчалина?

2. В чём заключается развязка общественного конфликта пьесы? Кто же Чацкий – победитель или побеждённый?

Вопросы и задания ко всему тексту комедии «Горе от ума»

1. Найдите в тексте цитаты, характеризующие героев пьесы.

2. Б. Голлер в статье «Драма одной комедии» пишет: «Софья Грибоедова – главная загадка комедии». С чем, по вашему мнению, связана такая оценка образа?

3. Вспомните закон трёх единств (места, времени и действия), характерный для драматического действия в классицизме. Соблюдается ли он в комедии?

1. Познакомьтесь с различными оценками образа Чацкого.

Пушкин: «Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми…»

Гончаров: «Чацкий положительно умён. Речь его кипит остроумием…»

Катенин: «Чацкий – главное лицо… он говорит много, бранит всё и проповедует некстати».

Почему столь по-разному писатели и критики оценивают этот образ? Совпадает ли ваш взгляд на Чацкого с приведёнными мнениями?

2. Грибоедов сначала назвал свою пьесу «Горе уму», затем изменил название на «Горе от ума». Какой новый смысл появился в окончательном варианте по сравнению с первоначальным?

3. Грибоедов писал Катенину: «В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека». Как решается проблема ума в комедии? На чём построена пьеса – на столкновении ума и глупости или на столкновении разных типов ума?

4. Прочитайте критический этюд И. А. Гончарова «Мильон терзаний». Ответьте на вопрос: почему «Чацкие живут и не переводятся в обществе»?

5. Пушкин в письме к Бестужеву писал о языке комедии: «О стихах я не говорю: половина – должна войти в пословицу». В чём заключается новаторство языка комедии Грибоедова? Сравните язык комедии с языком писателей и поэтов XVIII века. Назовите фразы и выражения, ставшие крылатыми.

6. Как вы думаете, почему Грибоедов считал свою пьесу комедией?

О романтизме

Романтизм – литературное направление, границы которого охватывают примерно конец XVIII – середину XIX века. Влияние романтизма было широким: оно распространялось в Европе и Америке не только на искусство, но и на философию, историю и даже многие отрасли естественных наук. Его отзвуки живут в современном искусстве, в быту. Так, каждому известно слово «романтик» в значении «отрешённый от окружающей действительности человек».

Если классицизм был предельно рационалистичен, то романтизм отвергал даже попытку рациональных решений в любом вопросе. Он всегда противопоставлял возможное действительному. Так вспоминал о своей романтической юности Ф. Шеллинг: «Прекрасное было время… Человеческий дух был раскован: считал себя вправе всему существующему противополагать свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но о том, что возможно…»

Присущий романтизму протест против окружающего имел конкретные впечатляющие формы. Яркими и выразительными были его сюжеты, его герои, обстановка, в которой они действовали, даже сам язык повествования. Герой не преклонялся перед миром природы. Он и его хотел преобразовать: отсутствие гармонии в мире порождает противоречия между миром и человеком, противоречия в духовном мире самого человека.

Романтизм отличало двоемирие, то есть убеждение в том, что мир мечты и реальный мир сосуществуют и неизбежно сталкиваются в непримиримых противоречиях. Обращаясь к истории человечества, романтики видели её как историю борьбы Добра и Зла. Они отчётливо воспринимали движение человеческой истории, благодаря чему им удалось привнести в литературу принцип историзма. История – это непрерывный процесс, в котором неразрывно соединяются прошлое, настоящее и будущее. В жанре исторического романа, созданном Вальтером Скоттом, эти неразрывные связи очевидны.

В русской литературе романтизм получил признание после Отечественной войны 1812 года. Сам термин «романтизм» впервые употреблён в России в 1816 году П. А. Вяземским. Острый интерес писателей-романтиков к народному творчеству

способствовал изучению и собиранию произведений фольклора. В эти годы была найдена рукопись «Слова о полку Игореве», печатались записи былин и исторических песен, появились романы, посвящённые событиям и героям русской истории (М. Н. Загоскин).

В русской музыке и живописи также появились имена, прочно связавшие себя с романтическим искусством. Это А. Н. Верстовский, А. А. Рубинштейн, О. А. Кипренский, И. К. Айвазовский.

Вопросы и задания

▶В чём состоит принципиальное отличие романтизма от классицизма?

▶▶**1.** Какие значения слова «романтизм» вам знакомы?

2. Какие художественные приёмы очень часто используются в описаниях романтических героев?

3. Какие названия баллад Жуковского кажутся вам характерными для романтических произведений? Попробуйте объяснить ваши соображения. Напоминаем некоторые названия: «Людмила», «Кассандра», «Светлана», «Ахилл», «Ивиковы журавли», «Эолова арфа», «Лесной царь», «Роланд-оруженосец».

4. У Жуковского есть баллада с очень длинным названием, которая была запрещена цензурой. Внимательно прочтите это название и подумайте, чем был вызван этот запрет: «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на чёрном коне вдвоём и кто сидел впереди». Прочитав балладу и повесть Н. В. Гоголя «Вий», вы сможете сравнить сюжеты этих произведений.

5. Выберите слова, которые, на ваш взгляд, встречаются в романтических произведениях: *битва, благоденствие, бой, счастье, сражение, блаженство, побоище, благо, сеча, благополучие.* Мотивируйте свой ответ.

▶▶▶**1.** Какие произведения писателей, которых вы назвали бы романтиками, вам удалось прочитать? Что привлекло вас в этих произведениях?

2. Приведите примеры романтических произведений разных жанров.

3. Какие признаки романтизма вы считаете ведущими?

4. Почему именно с романтизмом связано активное изучение фольклора?

5. Какие жанры фольклора изучались писателями-романтиками особенно активно? Чем вы это можете объяснить?

6. Какие прочитанные вами исторические романы вы можете отнести к этому литературному направлению?

7. Известны ли вам романтические произведения в современной художественной литературе?

8. Создаются ли в настоящее время романтические произведения? Можно ли отнести к ним популярные произведения в духе фэнтези? Каких писателей – создателей фэнтези вы знаете?

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

А. С. Пушкин

Вот как начинает повествование о Жуковском в своём замечательном биографическом романе Борис Зайцев: «Ока берёт начало несколько южнее Орла… На полпути между Орлом и Калугою протекает через уездный городок Белёв… Ничего выдающегося, но хороший край, Окою украшенный… В необъятной России как бы область известной гармонии – те места Подмосковья, орловско-тульско-калужские, откуда чуть не вся русская литература и вышла.

А всего в трёх верстах от Белёва, в том же соседстве Оки, неторопливо-прозрачной, село Мишенское, в конце XVIII века принадлежавшее Афанасию Ивановичу Бунину, одно из многих его поместий. Всё здесь широкого размаха: огромный дом с флигелями, оранжереи, пруды, парк, роща дубовая… Просторная, бессвязная, во многом бестолковая помещичья жизнь».

Василий Андреевич Жуковский был внебрачным сыном Бунина и пленной турчанки Сальхи, которую привёз в поместье один из воинов: воин принадлежал Бунину, а пленная турчанка – воину. Он и передал её хозяину, и молодая женщина стала няней младших дочерей помещика, а потом и матерью незаконного сына.

В доме Буниных устраивались литературно-музыкальные вечера. Известно, что зимой 1795 года, когда Васе было 12 лет, на домашней сцене была поставлена написанная им пьеса «Камилл, или Освобождённый Рим», в которой он был и автором, и режиссёром, и актёром.

Но вот Жуковский – ученик Благородного пансиона при Московском университете (1797–1800). Он выбирает себе гуманитарные предметы, становится председателем литературного общества, на заседания которого приходили и знаменитые литераторы: Карамзин, Дмитриев.

Среди богатых и знатных по своему происхождению однокашников он, казалось бы, должен был потеряться. Но этого не происходило: чувство такта, умение расположить к себе людей жило в юноше с малых лет. Товарищи его любили, а он умел себя поставить доброжелательно и независимо: духовная его одарённость всеми не только признавалась, но и ценилась. Он был из тех редких людей, доброжелательность которых вызывает столь же ясное и открытое чувство у окружающих.

«Его первые шаги в литературе не были трудны. Печататься начал очень рано, с четырнадцати лет, и без усилий, – пишет Б. Зайцев. – Он возрастал в тишине и труде, в воздухе культуры, любви к поэзии». Окончив с блеском пансион, Жуковский вынужден занять должность канцелярского служащего, но все свои силы и досуг отдаёт литературе. И вот в лучшем журнале той поры, который издавал Карамзин, появляется его стихотворение «Сельское кладбище» (1802) – перевод элегии английского поэта Т. Грэя, затем другие стихи.

Теперь он признан как замечательный поэт. Очень скоро Жуковский становится другом и помощником молодых поэтов, и в первую очередь юного Пушкина. Всем сверстникам были памятны дружелюбные строки, которые Пушкин написал на двери комнаты Жуковского, – это «Записка к Жуковскому».

Штабс-капитану, Гёте, Грею,
Томсону, Шиллеру привет!
Им поклониться честь имею,
Но сердцем истинно жалею,
Что никогда их дома нет.

1810–1820-е годы – расцвет творчества поэта. Его «стихов пленительная сладость» вызывала благодарный отклик современников. Лирика, баллады, переводы были популярны: его называли «балладником», он был бесспорным мастером перевода. О своём творчестве Жуковский писал: «У меня почти всё или чужое или по поводу чужого, и всё, однако, моё».

Активное участие в судьбах окружающих людей, мгновенный отклик на чужую беду у него неразрывно связаны с чувством любви к природе, к родине и её заботам. Стоит назвать его «Певца во стане русских воинов» – произведение, которое воспевает

героев Отечественной войны 1812 года. Десятилетия в стране исполнялся гимн России, слова которого были созданы Жуковским.

С 1826 года он становится воспитателем будущего царя Александра II и занимает это место в течение пятнадцати лет. Стремление воспитать в детях из царской семьи любовь к труду вызывало понимание у царственных родителей: на одном из островков на прудах Царского Села дети своими руками построили небольшой, но настоящий жилой кирпичный дом и сами следили за посаженным ими садом. Став взрослыми, они установили на этом острове бюст Жуковского.

В. Г. Белинский писал: «Жуковский имеет великое исторические значение для русской поэзии вообще: одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал её доступною для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина…»

Дружба с Пушкиным порождала своеобразные состязания: так появились две «Спящие царевны», «Сказка о царе Берендее…» и «Сказка о царе Салтане…».

Разговор о жизни Жуковского будет неполным, если не вспомнить о том, как много людей было обязано его хлопотам: он часто поддерживал Пушкина, помог спасению Тараса Шевченко из крепостной неволи и заботился о смягчении участи многих терпевших бедствия людей.

Человек тонко и чутко чувствующий, Жуковский, выросший под звуки громкой лиры Державина, более сочувственно откликался на звуки сентиментальных произведений, но сам-то был, бесспорно, романтиком.

Неудовлетворённость реальной действительностью, стремление противопоставить ей воображаемый мир, полный таинственного и чудесного, – вот что живёт в лирике Жуковского, в его стихах, балладах, сказках и переводах.

Среди многочисленных баллад Жуковского, которые были чрезвычайно популярны у читателей той поры, особую роль играла баллада «Светлана». «Критики того времени, – как писал Белинский, – титуловали Жуковского певцом Светланы». В дружеском обществе «Арзамас», в котором он был вместе с Пушкиным, его единогласно именовали «Светланой». Пушкин берёт слова из этой баллады как эпиграф к одной из глав «Евгения Онегина», о ней вспоминает и в строках романа, когда говорится о Татьяне («Та, которая грустна и молчалива, как Светлана»)…

Наконец, это единственная баллада Жуковского, в которой есть посвящение. Адресат баллады – Александра Андреевна

Воейкова, в девичестве Протасова.

Светлана

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: „Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое“».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит…

Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье…
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи…
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит…
Вот… легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит

Яркими глазами…
Занялся от страха дух…
Вдруг в её влетает слух
Тихий, лёгкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась… милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели… кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут… пусто всё вокруг;
Степь в очах Светланы,
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий…
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил

Тускнет в фимиаме;
На средине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися… и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться – следу нет…
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит…
Дверь шатнулася… скрыпит…
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой…
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?

Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло… вьюги нет…
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится…
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье…
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье…
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом…
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится…
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг… в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы…
Что же девица?.. Дрожит…
Гибель близко… но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крилы;
К мертвецу на грудь вспорхнул…
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал

Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами…
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась…
Глядь, Светлана… о Творец!
Милый друг её – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьёт крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит… Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий…
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе, вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт…
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;

Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

* * *

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей —
Вера в провиденье.
Благ Зиждителя закон:
Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана…
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа – как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

Вопросы и задания

▸**1.** Подготовьте краткий (сюжетный) пересказ баллады, определив завязку, кульминацию, развязку.

2. Вспомните описание девичьих гаданий в крещенский вечерок. Какие из них вам особенно запомнились?

3. Попробуйте рассказать о героине баллады – Светлане, о её подругах, женихе. Какой из этих рассказов получился более обстоятельным и подробным? Почему?

▸▸**1.** Найдите картины зимнего пейзажа в балладе. Какие строки отвечают настроению и состоянию героини?

2. Какие художественные средства (сравнения, эпитеты, метафоры) чаще всего используются в балладе?

3. Чем можно объяснить плясовой характер звучания стиха? Какой стихотворный размер использован?

4. Найдите в балладе строки, исполненные шутливости и веселья. Как вы объясняете их появление в балладе?

▸▸▸Рассмотрите рисунки Жуковского. Что в них напоминает пейзажи баллады?

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть.

А. Н. Островский

Трудно дать очерк жизни и творчества гения. Однако представить себе его путь, подумать о делах и днях человека такой яростной жизненной силы и талантливости – поучительное и интересное дело. Внимательно отнесёмся к фактам биографии Александра Сергеевича Пушкина, который был гениален не только как автор художественных произведений, но и просто как человек удивительной жизненной энергии.

Детство. «Он был человек без детства», – утверждают многие биографы: в его стихах часто говорится о любимой нянюшке, но нет упоминаний ни об отце, ни о матери. В семье Пушкиных, как и во многих дворянских семьях в ту пору, детей передоверяли крепостным слугам, а более всего иностранным воспитателям. Свободное владение французским языком, ранняя начитанность, широта общекультурных интересов шли от семьи, от быта родного дома. Первые «пьесы», в которых пятилетний автор подражал Мольеру, были сочинены на французском языке.

Лицей (1811–1817). Он оценивал себя в лицейские годы достаточно честно:

Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирён, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив…

Почти наверняка вы слышали строки из «Евгения Онегина»:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил…

След от событий и впечатлений лицейских лет останется в

замечательном цикле произведений, посвящённых годовщине открытия Лицея – 19 октября.

Петербург (1817–1820). Столичная жизнь поэта была бурной и насыщенной. «Свободный, смелый дар» поэзии реализовался. Бесстрашие юного Пушкина неоспоримо.

Владыки! вам венец и трон
Даёт Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон…

Ода «Вольность». 1817 год

Строки стихов обличали, они были не только политически острыми и запоминающимися – они приобретали опасную популярность. Поведение поэта раздражало власть, становилась неизбежной его ссылка. Заботы друзей помогли заменить суровую Сибирь далёким и неустроенным в те поры югом.

Южная ссылка. Кишинёв, Одесса (1820–1824). К этим годам обычно относят и те недели, которые он провёл до Кишинёва в семье Раевских на Кавказе и в Крыму. «Счастливейшие минуты моей жизни…» – писал он о них брату. В эти годы формировалась его слава. Романтические поэмы с их необычными героями и драматическими сюжетами волновали читателя. В элегии «Погасло дневное светило…» он преобразил саму ссылку в добровольный побег на палубе таинственного корабля под шум «послушного ветрила».

Михайловское (1824–1826). Два года пребывания в тиши михайловских рощ принесли не только великолепные стихи. Была создана трагедия «Борис Годунов». У «Руслана и Людмилы» появился знаменитый «Пролог» («У лукоморья…») – своеобразная энциклопедия русских народных сказок. Творчество Пушкина в эти годы на пути к реализму.

Последние годы жизни (1826–1837). Расцвет творчества. Торжество реализма. Совершенствование мастерства. Этот огромный период включает события разного масштаба: беседу с Николаем I, который объявил себя цензором поэта, знаменитую Болдинскую осень 1830 года… И постоянное победоносное творчество. Пушкин обращается к различным жанрам, темам, проблемам. В 1831 году у него появилась семья, его женой стала женщина удивительной красоты – Наталья Николаевна Гончарова.

По количеству и размаху завершённых и незавершённых трудов можно судить о вдохновенном напряжении, свойственном

Пушкину, который был «человек в поэзии и поэт в жизни». Щедрый и доброжелательный, он стремился помочь своим собратьям по перу. Вы знаете, что сюжеты и «Ревизора» и «Мёртвых душ» были подарены Гоголю Пушкиным.

Творческий подвиг Пушкина – это и тома его произведений, и «толпа образов», россыпь идей и проблем, которые он обозначил для себя и для нас, которые стремился осмыслить, тот ясный взгляд на жизнь, именуемый мудростью. И, что более всего вызывает живой отклик читателей многих поколений, – умение придать мыслям, чувствам, образам такую совершенную форму, которая стала синонимом красоты, совершенства, художественного идеала.

Все произведения, все события творческой жизни А. С. Пушкина значительны. Чтобы показать масштаб личности поэта и писателя, убедиться в неповторимой яркости индивидуальности и неистощимом запасе жизненных сил, можно обратиться к одному из периодов его жизни – **Болдинской осени 1830 года**. Она длилась три месяца – с 3 сентября до 28 ноября 1830 года. Но сколько произведений создано!

Сентябрь. Первым было создано стихотворение «Бесы». Затем ещё три стихотворения, две сказки («Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о медведихе»), три повести («Барышня-крестьянка», «Станционный смотритель», «Гробовщик»), главы «Евгения Онегина». В стихотворении «Труд» автор прощается с практически завершённым романом:

> Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
> Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
> Или, свой подвиг свершив, я стою, как подёнщик ненужный,
> Плату приявший свою, чуждый работе другой?
> Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
> Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Октябрь. Девятнадцать стихотворений, поэма «Домик в Коломне», две повести («Выстрел», «Метель»), драматические сцены («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери»), глава «Евгения Онегина», четыре критических статьи.

Ноябрь. «История села Горюхина», драматические сцены («Каменный гость», «Пир во время чумы»), предисловие к «Евгению Онегину», пять стихотворений.

«Я в Болдине писал, как давно уже не писал…» – извещает он своего друга, вернувшись в Москву. Любимое время года – осень

ещё раз порадует поэта. В 1833 году он будет трудиться в Болдине над «Историей Пугачёва», напишет «Анджело», «Медного всадника», «Пиковую даму», «Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях», «Сказку о рыбаке и рыбке».

Вопросы и задания

Пушкин создал два стихотворения с одинаковым названием: «Воспоминания в Царском Селе». Когда он написал первое стихотворение под таким названием? Прочтите его. Как это стихотворение связывается в вашей памяти со знаменитым поэтом XVIII века Державиным?

1. Романтики рассматривали творчество любого поэта как один огромный автобиографический роман. Пушкин стоял в центре интеллектуально-идейной жизни своей эпохи. Могут ли два этих важных соображения дать нам право сказать, что и творчество Пушкина – огромный автобиографический роман, рисующий его эпоху, или такое утверждение требует оговорок и ограничений?

2. Пушкин любил путешествия, поездки. Какие суждения о дороге вы нашли в строках прозы и стихов Пушкина?

3. Проследите за тем, как изменил Пушкин названия своих маленьких трагедий: «Чумный город» – «Пир во время чумы»; «Скупой» – «Скупой рыцарь»; «Зависть» – «Моцарт и Сальери»; «Дон Жуан» – «Каменный гость». Как видим, окончательные названия подчёркивают конфликт. Попробуйте порассуждать на эту тему.

4. По романтическим канонам поэт – «странный человек». Пушкин же пришёл к утверждению, что поэт «просто человек». Какое из этих утверждений кажется вам верным? Согласитесь или поспорьте с поэтом.

5. Как вы понимаете суждение: «…Пушкин обладал активным, одухотворяющим окружающую жизнь гением: он не подчинился окружающему, а преобразовал его»?

6. Прав ли исследователь, утверждая, что «…если литература сохранила в обществе свой нравственный авторитет, а читатель XIX века смотрел на писателя как на свою совесть, то в этом – бесспорная историческая заслуга Пушкина»?

Лирика

Поэзия Александра Сергеевича Пушкина многогранна и глубока. К ней мы обращаемся в разные периоды своей жизни, каждый раз черпая из неё вечные истины, обогащая свой эмоциональный мир, постигая истинную красоту русского поэтического слова.

В статье «О назначении поэта» А. А. Блок писал: «Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни… Пушкин так легко и весело умел нести своё творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не лёгкая и не весёлая; она трагическая; Пушкин вёл свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер…

Мы знаем Пушкина – человека, Пушкина – друга монархии, Пушкина – друга декабристов. Всё это бледнеет перед одним: Пушкин – поэт.

Пушкин – величина неизменная. Могут устареть его язык, его приёмы; но сущность его дела не устареет».

Храни меня, мой талисман…

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило…
Оно сокрылось, изменило…
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

В годы южной ссылки, когда Пушкин был в Одессе, он познакомился с женой одесского губернатора Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

Перед расставанием в знак их любви Елизавета Ксаверьевна подарила поэту старинный перстень-талисман. В ответ родилось стихотворение «Храни меня, мой талисман…».

В начале октября 1824 года Пушкин получил от Елизаветы Ксаверьевны письмо. Листок почтовой бумаги представлял для Воронцовой опасность, Александр Сергеевич сжигает его. А через несколько месяцев, в начале 1825 года, поэт создаёт элегию «Сожжённое письмо».

Сестра поэта О. С. Павлищева вспоминала, что, когда в Михайловское приходило из Одессы письмо с печатью, украшенною такими же знаками, какие находились на перстне её брата, Александр запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал.

Сожжённое письмо

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела…
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет…
Минуту!.. вспыхнули… пылают… лёгкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит… О провиденье!
Свершилось! Тёмные свернулися листы;
На лёгком пепле их заветные черты
Белеют… Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди…

Вопросы и задания

1. Проследите, как меняются оттенки настроений лирического героя в то время, как горит сжигаемое письмо. Какое чувство остаётся при этом неизменным?

2. Какими словами переданы движения души поэта, какие интонации используются? Прокомментируйте, какова роль приёма непосредственного обращения автора к горящему письму.

1. Понаблюдайте над особенностями звукописи в этом стихотворении. Какие звуковые сочетания наиболее часты, как они влияют на тональность стиха, передачу внутреннего состояния лирического героя, как воздействуют на восприятие стихотворения читателем?

2. Почему в этом грустном, даже трагическом стихотворении вдруг появляется слово «отрада»? Можно ли найти в нём ещё какие-либо проблески светлой печали?

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит ещё желанье,
Под гнётом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждём с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждёт любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Вопросы и задания

▸**1.** На какие три части распадается стихотворение? Определите эти части.

2. Каким настроением проникнуты стихи первой строфы?

3. Как меняется настроение второй части стихотворения?

4. Каков лейтмотив третьей части стихотворения?

▸▸**1.** Какие слова-символы выражают гражданские устремления поэта?

2. Как понимаете вы слова этого стихотворения «души прекрасные порывы»?

▸▸▸**1.** Сопоставьте стихотворение с другими стихотворениями поэта близкой тематики.

2. Что отличает это послание от других посланий поэта, которые вы знаете?

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый, —
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,

Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал… я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован[19],
У берегов остался я.

О чём жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы[20]…
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений[21],
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нём означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел… Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Вопросы и задания

1. Что привлекает поэта в картине моря?

2. Почему он называет море «свободной стихией»?

3. Сопоставьте начало и конец стихотворения. Что общего в их содержании и стиле?

1. Какую роль в изображении моря играют архаизмы, анафоры[22]?

2. Каким предстаёт в стихотворении лирический герой?

1. Как в строках этого стихотворения связаны с образом моря имена Байрона и Наполеона?

2. Какую роль в стихотворении играет контракт «свободной стихии» и «неподвижного брега»?

Осень. (*Отрывок*)

Чего в мой дремлющий
тогда не входит ум?[23]

Державин

I

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля[24] с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю её снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмёт, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами[25] младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив её блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.

Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечёт. Сказать вам откровенно,
Из годовых времён я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несёт,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промёрзлый дол и трескается лёд.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиёт,
То тлеет медленно – а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,

Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывёт. Куда ж нам плыть?……
……
……

Вопросы и задания

▶**1.** Почему поэт отдаёт предпочтение осени? Чем привлекает поэта осень?

2. Воспроизведите картину осени, следуя за строками стихотворения.

▶▶**1.** Каким стихотворным размером написано произведение?

2. На какие две части делится стихотворение? Определите содержание каждой из них.

3. Как поэт рисует каждое из времён года? Обратите внимание на интонацию, лексику, сравнения.

4. Какие художественные приёмы поэт использовал для создания любимого времени года?

▶▶▶Как вы объясните, почему поэт дал стихотворению подзаголовок «Отрывок»?

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим[26]
На перепутье мне явился;
Перстами[27] лёгкими как сон
Моих зениц[28] коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом[29] жги сердца людей».

Вопросы и задания

1. Как вы объясните название стихотворения?

2. Почему автор считает поэта пророком? В чём он видит его силу?

Объясните обилие устаревшей лексики (архаизмы, старославянизмы) в строках стихотворения.

Какую роль отводит автор поэту?

Светлое начало свойственно Пушкину в восприятии жизни во всей её сложности и многогранности.

Если жизнь тебя обманет…

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

Как и всякий поэт, Пушкин размышляет о поэзии, судьбе поэта, его назначении в обществе, источниках творчества.

Поэт

Пока не требует поэта

К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы…

Вопросы и задания

▸Какова основная тема этого стихотворения? Почему Пушкин обращается к образу античного бога Аполлона, покровителя искусства?

▸▸▸Какой предстаёт в этом стихотворении личность поэта, каковы истоки его творчества?

Я вас любил: любовь ещё, быть может…

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Вопросы и задания

1. Как объяснить, почему автор так доверчиво говорит о своём чувстве?

2. Какие слова особенно точно отражают чувства автора?

3. В чём вы видите доказательство благородства чувств автора?

1. Как объяснить, почему это стихотворение так часто служит основой для романса?

2. Какие романсы на слова Пушкина вы помните?

Я памятник себе воздвиг нерукотворный…

Exegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Вопросы и задания

1. Какие темы раскрываются в этом стихотворении?

2. В чём видит Пушкин свою заслугу как поэта перед

обществом? Найдите в тексте слова и выражения, в которых он определил значение своего творчества.

⏩**1.** В каком значении употреблены слова «лира», «язык»?

2. Как вы понимаете выражение «нерукотворный памятник»? В чём смысл противопоставления его Александрийскому столпу?

3. Найдите в тексте архаизмы, объясните их роль в стихотворении. Почему Пушкин активно вводит их в свои поэтические произведения?

4. Обратите внимание на эпитеты к словам «памятник», «тропа», «глава», «лира», «чувства», «век». Как раскрывают они чувства и мысли автора?

⏩⏩**1.** Назовите известные вам стихотворения Пушкина, в которых он размышляет о роли поэта в обществе.

2. Вы уже знакомились с «Памятником» Державина. Сопоставьте державинский и пушкинский тексты. Как развивается тема поэта и поэзии в этих произведениях? Чем разнится позиция авторов в понимании этой темы? Сравните художественные средства, с помощью которых выражена точка зрения поэтов.

Евгений Онегин. *В сокращении*

В 1830 году Пушкин завершил работу над романом в стихах «Евгений Онегин» и набросал план его полного издания, где он пометил основные даты своей работы.

«Онегин
Часть первая. Предисловие
I песнь. *Хандра.* Кишинёв. Одесса
II – *Поэт.* Одесса. 1824
III – *Барышня.* Одесса. Михайловское. 1824
Часть вторая
IV песнь. *Деревня.* Михайловское. 1825
V – *Именины.* Михайловское. 1825, 1826
VI – *Поединок.* Михайловское. 1826
Часть третья
VII песнь. *Москва.* Михайловское. Петербург. Малинники. 1827, 1828
VIII – *Странствие.* Москва. Павловское. 1829 Болдино
IX – *Большой свет.* Болдино»

Роман в стихах «Евгений Онегин» создавался, как подсчитал Пушкин, 7 лет 4 месяца и 17 дней. Только «Письмо Онегина к Татьяне» было написано после 1830 года и включено в роман 5

октября 1831 года.

Поэт создал произведение о своём времени. События первой главы происходят зимой 1819 – весной 1820 года. Конец романа – март 1825 года.

Роман написан новой для того времени формой строфы. Её называют **онегинской строфой**. В ней 14 строк с постоянной рифмовкой: *абаб ввгг деед жжж*. Например:

Мы все учились понемногу	а
Чем-нибудь и как-нибудь,	б
Так воспитаньем, слава Богу,	а
У нас не мудрено блеснуть.	б
Онегин был, по мненью многих,	в
(Судей решительных и строгих),	в
Учёный малый, но педант,	г
Имел он счастливый талант	г
Без принужденья в разговоре	д
Коснуться до всего слегка,	е
С учёным видом знатока	е
Хранить молчанье в важном споре	д
И возбуждать улыбку дам	ж
Огнём нежданных эпиграмм.	ж

Глава первая. *В сокращении*

И жить торопится и чувствовать спешит.

Кн. Вяземский (Строка из стихотворения П. А. Вяземского «Первый снег».)

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог,
Его пример другим наука;
Но, Боже мой, какая скука

С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя!»

Перед нами – прямая речь героя романа. Он едет к умирающему родственнику.

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

Во второй строфе мы узнаём имя героя. Появляется и Автор, которому «вреден север» (намёк на южную ссылку). «Писано в Бессарабии» – заметка, сделанная Пушкиным на полях.

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* её сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

Краткий рассказ о судьбе Онегина: о разорении отца и о том, каким было его воспитание и образование. *Летний сад* до сих пор сохранил своё название и внешний облик. Этот петербургский парк основан Петром I. По утрам он был местом детских прогулок.

IV

Когда же юности мятежной

Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как *dandy* лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринуждённо;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умён и очень мил.

К слову *dandy* Пушкин сделал примечание: *франт.* В русские словари слово попало лишь в 1847 году.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мненью многих
(Судей решительных и строгих),
Учёный малый, но педант,
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С учёным видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнём нежданных эпиграмм.

Педа́нт — здесь: человек, выставляющий напоказ свои знания, свою учёность, с апломбом судящий обо всём. *Эпигра́мма* — здесь: колкое, остроумное замечание, насмешка, острота.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale,*
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

Автор иронизирует над образованностью Онегина. Однако оценим то, что он знал, что читал и о чём говорил. *Эпи́графы* — здесь: античные надписи на памятниках. Сатирик *Ювена́л,* поэт *Вергилий* (автор поэмы *«Энеи́да»*) – римские писатели. Словом *vale* обычно заканчивали письма (в переводе: «Будь здоров»). Слово *анекдо́т* употреблено в значении: забавное происшествие из придворной жизни. *Ро́мул* — легендарный основатель и первый царь Рима (VIII в. до н. э.).

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Произведения греческих писателей *Гоме́ра, Феокри́та* в те времена изучались в учебных заведениях. Английский экономист *Адам Смит* считал, что богатство народа зависит не от количества денег в обращении, а от производительности труда, поэтому источник богатства – земля (см. выделенные слова).

VIII

Всего, что знал ещё Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чём он истинный был гений,
Что знал он твёрже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной…
…….

XV

Бывало, он ещё в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Всё равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар,*
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

С XV строфы начинается описание дня Онегина, дня светского франта. Сутки, при всей их пустоте, насыщены до предела. Каждая мелочь в этом описании вводит нас в атмосферу

20-х годов XIX века, в тот особый круг, в котором жил герой. *Боливáр* — шляпа с широкими полями, которая получила своё название по имени Симона Боливара – знаменитого вождя национально-освободительного движения Латинской Америки, кумира европейских либералов. Пушкин и сам одно время носил такую шляпу. *Брегéт* — модные часы фирмы парижского механика Бреге, которые изготовлялись только в одном экземпляре.

XVI

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon* помчался: он уверен,
Что там уж ждёт его Каверин.
Вошёл: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Крик *«Пади, пади!»* разгонял пешеходов. Быстрая езда была признаком щёгольства. При этом чем меньше был мальчик-форейтор и чем дольше и пронзительней он кричал и тянул при этом «и-и!», тем больше гордился его хозяин. Здесь говорится о блюдах, которыми славились рестораны. *Ростбиф* пока непривычен, пишется по-английски, а *стрáзбургский «пирог нетленный»* — вовсе не пирог, а паштет из гусиной печени. *«Вино кометы»* — шампанское урожая 1811 года, года кометы.

XVII

Ещё бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,

Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почётный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша
Готов охлопать *entrechat,*
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).
…….

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И взвившись, занавес шумит.
……

Вид театра, который рисует Пушкин (строфы XX–XXII), не похож на сегодняшний: правда, *ложи* расположены, как и сейчас (причём дамы могли находиться только в ложах!). У сцены стояло несколько рядов кресел, а пространство за ними называлось *партером.* Как и на верхнем ярусе (*райке́*), в партере смотрели стоя. Опоздавший Онегин ступает по ногам, смотрит в *«двойной лорне́т»* (бинокль). Ссоры в театре не были редкостью, и из-за них Пушкин не раз участвовал в дуэлях. Перед нами бытовые зарисовки: спящие на одежде *лакеи* (не было гардеробов), *кучера,* мёрзнущие на улице, беспечные зрители, которые, как Онегин, уходят, не досмотрев пьесы, и едут готовиться к балу.

XXI

Всё хлопает. Онегин входит,
Идёт меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул…
…….

XXII

Ещё амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Ещё усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Ещё не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Ещё снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Ещё, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони;
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.
…….

XXV

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.

Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

Пётр Яковлевич Чаада́ев — философ, человек трагической судьбы, был известен не только своими взглядами, но и утончённым аристократизмом и щёгольством в одежде. Слова *«педант»* и *«франт»* вновь всплывают в характеристике героя. При этом Пушкин даёт описание костюма, модных его деталей, новых для русского языка слов и предметов: *панталóны, фрак, жилéт.* В те годы этих слов ещё не было в словарях русского языка.

XXVI

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред учёным светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать моё же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет,*
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплемёнными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

XXVII

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал.
……

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробуждён.
Встаёт купец, идёт разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас.*

Пушкин рисует день *«неугомонного»* Петербурга. *Бумажный колпак хлебника* — колпак из хлопчатобумажной материи, который носил булочник. Написанное курсивом слово *«васисдас»* — игра слов; оно звучит и как форточка по-французски и как жаргонная кличка немца с его постоянным вопросом: «Что это?» – «Was ist das?».

XXXVI

Но, шумом бала утомленный,
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.

Проснётся за́ полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

Автор сочувствует человеку, живущему столь однообразной и в то же время пёстрой жизнью. Он для него *«мой Евгений»,* друг. В этих строках речь идёт и о дружбе, и о том, как велико отличие двух друзей. Факт дружбы Онегина и Автора был важен Пушкину, поэтому по поводу этих строф завязалась переписка о создании иллюстрации. В начале ноября 1824 года он написал брату Льву Сергеевичу: «Брат, вот тебе картинка для Онегина – найди искусный и быстрый карандаш… чтоб всё в том же местоположении». Ему было важно, чтобы оба героя были изображены на фоне Петропавловской крепости. Когда А. Нотбек создал иллюстрацию, Пушкин тут же откликнулся эпиграммой:

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опёршись задом о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

XXXVII

Нет: рано чувства в нём остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы недолго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
……

И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

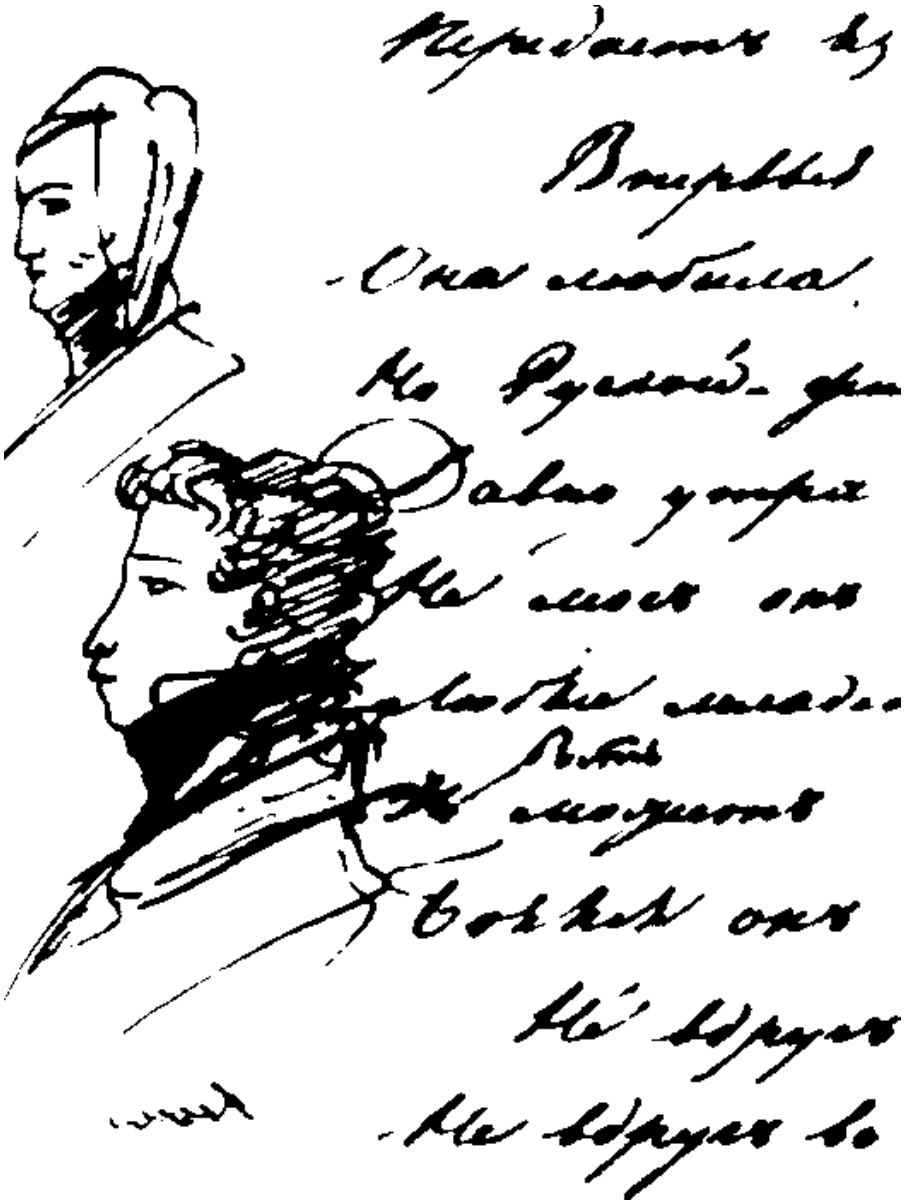
1 корчмарь — 2 [illegible]
[illegible] 3
4 [illegible]

XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава Богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
……

XLV

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлаждённый ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.
……



XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою
И вод весёлое стекло
Не отражает лик Дианы,

Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зелёный из тюрьмы
Перенесён колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит.
Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожек отдалённый стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, вёслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая…
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!
…….

L

Придёт ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей,

Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

Привычная формула поговорки *«Брожу над морем, жду погоды»* превращается в небезопасное признание после того, как автор указал, что глава создана в Одессе. Это намёк на план бегства за границу, который он вынашивал в южной ссылке.

LI

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
…….

LII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но прилетев в деревню дяди,
Его нашёл уж на столе,
Как дань готовую земле.

Строфа LII возвращает читателя к самому началу романа. Евгений *«стремглав по почте поскакал»* — поехал на почтовых перекладных лошадях.

LIII

…….
Вот наш Онегин сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

Онегин как хозяин поместий, доставшихся ему по наследству, выглядит достаточно забавно: впечатлений ему хватило лишь на два дня. В словаре синонимов *«скука», «хандра», «сплин», «уныние»* объединены общим значением – тягостное душевное состояние с отсутствием интереса к чему-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
Уединённые поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,

Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.
……

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

Вновь и вновь Автор говорит о различии со своим героем. Не менее важно для него и то, чтобы читатель увидел разницу между ним и *«гордости поэтом» Байроном.*

……

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам:
Иди же к невским берегам,
Новорождённое творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Вопросы и задания

1. Как объяснить, что в своём плане Пушкин назвал первую главу «Хандра»? Относится ли это название только к состоянию Онегина или оно касается также мыслей и чувств Автора?

2. Перечитайте строфы, которые рассказывают об Онегине. Попробуйте рассказать о том, как вы представляете себе этого героя.

3. Найдите строфы, в которых мы видим Автора и героя вместе. Как вам кажется, в них больше сходства или различия? Дайте доказательный ответ.

1. В первой главе есть многоточия, которые обозначают пропуски строк или строф. Для Пушкина – это композиционный приём, который создаёт многоплановость художественного пространства текста, помогает переходить от одного эпизода к другому. Проанализируйте этот приём.

2. Дайте точное описание «онегинской строфы».

Попытайтесь объяснить заботу Пушкина об иллюстрации к этой главе. Почему он не только создал набросок иллюстрации, но и просил, чтобы художник сохранил точное расположение Онегина и Автора на фоне Петропавловской крепости?

Глава вторая. *В сокращении*

O rus!

Hor.

О Русь!

Первый эпиграф взят из произведения Горация (*Hor.*), что в переводе: «О деревня!» Второй эпиграф принадлежит Пушкину и создаёт каламбур – Русь должна предстать перед читателем главным образом как деревня.

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединённый,

Горой от ветров ограждённый,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

Учёные утверждают, что в этой строфе отразились черты пейзажа Михайловского, однако Ю. М. Лотман подчёркивает, что деревня Онегина является художественным образом. *Дриа́ды* — нимфы деревьев.

…….

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал…
…….
По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
…….

В черновом варианте строфы потрет Ленского был более резким:

Красавец в полном цвете лет
Крикун, мятежник и поэт
Он из Германии свободной
[Привез] учёности плоды
Вольнолюбивые мечты…

Геттинге́нский университет был одним из самых либеральных в Европе. *Кант Иммануил* — родоначальник немецкой классической философии.

XIII

…….
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

Вторая глава рисует русскую поместную деревню. У героя появляются новые знакомые: друг (*«от делать нечего»*) – сосед *Владимир Ленский, Ольга,* в которую влюблён Ленский, и её сестра *Татьяна*; родители этих девушек – *помещики Ларины.*

…….

XX

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Ещё любить осуждена…
……

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, как утро, весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза, как небо, голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, лёгкий стан,
Всё в Ольге… но любой роман
Возьмите и найдёте верно
Её портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.
……

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью её румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, её подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шёлковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
К приличию – закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;

Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких её подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звёзд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец её был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.
……

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на Масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слёзки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

Вопросы и задания

1. Вторую главу иногда называют главой контрастов. Контраст Онегина и Ленского, контраст Ольги и Татьяны… Попробуйте доказать, что перед нами герои не только разные, но и резко отличные друг от друга.

2. Желающие могут подготовить по полному тексту главы описание окрестных помещиков: их облика, интересов, развлечений и занятий. Это будет очень выразительный групповой портрет.

Начало романа познакомило нас с его главными героями. Сюжет романа можно определить, прочитав первые главы. Но в том-то и дело, что Пушкин готов помочь своим читателям увидеть жизнь полнее и глубже. Так, несложный сюжет «Евгения Онегина» помог ему создать «энциклопедию русской жизни» той эпохи. Бескрайняя природа, город и деревня, люди всех сословий представлены в его произведении. Продолжим знакомство с главами романа.

Глава третья. *В сокращении*

Глава, которая в плане автора названа «Барышня», повествует о признании героини. Её письмо не состоит из строф, которыми написан весь роман: это страстная исповедь искреннего человека.

Письмо Татьяны к Онегину

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,

Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но говорят вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам скучно,
А мы… ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.
Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать,

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердце я!
То в вышнем суждено совете…
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан Богом,
До гроба ты хранитель мой…
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно… нет, это был не сон!
Ты чуть вошёл, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? Я тебя слыхала,
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,

Слова надежды мне шепнул?
Кто ты: мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное…
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слёзы лью,
Твоей защиты умоляю…
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжёлый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть…
Стыдом и страхом замираю…
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю…

Письмо написано, запечатано, отослано. Остаётся ждать ответа. Подумаем, какую роль играет это письмо в развитии сюжета. А также о том, как оно характеризует нашу героиню.

Глава четвёртая

В строфе XXIII мы узнаём, «что было следствием свиданья». Узнаём и о неожиданном столкновении Онегина и Ленского.

Вопросы и задания

1. Найдите в главе описание картин родной природы средней полосы России.

2. Найдите описания, которые рисуют быт дворянской усадьбы и её развлечения. С каким чувством ведёт автор рассказ об этом патриархальном мире?

1. Расскажите об Онегине и Ленском по материалам этой

главы, максимально используя текст романа.

2. Оцените причины их споров и решите, смогли бы вы в них участвовать? Вспомните строфу XVI второй главы:

Меж ними всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племён минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.
…….

Глава пятая. *В сокращении*

II

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь…

Но зима – это и зимние праздники, и связанные с ними гаданья… В эти-то овеянные предсказаниями дни «снится чудный сон Татьяне»… Описание сна – поэтичная сказка, в которой живут многие герои народных преданий.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идёт по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, тёмный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,

Положены через поток[30]:
И пред шумящею пучиной
Недоумения полна
Остановилася она.

XII

Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился.
И кто ж из-под него явился?
Большой, взъерошенный медведь[31];
Татьяна *ах*! А он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась через ручей;
Пошла – и что ж? медведь за ней!

XIII

Она, взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь несносный;
Пред ними лес; недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветки все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берёз и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIV

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей;
То длинный сук её за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком свете с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится
Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бежит, он всё вослед,
И сил уже бежать ей нет.

XV

Упала в снег; медведь проворно
Её хватает и несёт;
Она бесчувственно покорна,
Не шевельнётся, не дохнёт;
Он мчит её лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогой;
Кругом всё глушь: отвсюду он
Пустынным снегом занесён,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик, и шум;
Медведь промолвил: *«Здесь мой кум:*
Погрейся у него немножко!»
И в сени прямо он идёт
И на порог её кладёт.

XVI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сенях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;

Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щёлку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

XVII

Ещё страшней, ещё чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей,
Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь украдкою глядит.

XVIII

Он знак подаст: и все хлопочут;
Он пьёт: все пьют и все кричат;
Он засмеётся: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Так, он хозяин, это ясно.
И Тане уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь…
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;

Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола гремя встаёт;
Все встали: он к дверям идёт.

XIX

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать;
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может, дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указует на неё
И все кричат: моё! Моё!

XX

Моё! – сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталася во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Её на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул,
И дико он очами бродит.
И незваных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался… хижина шатнулась…
И Таня с ужасом проснулась…

Попытка Татьяны растолковать свой сон при помощи книги М. Задеки не увенчалась успехом. Однако в центре событий этой главы – именины Татьяны. Описание гостей достойно сатиры. Все поздравляют Татьяну-именинницу, и даже Онегин порадовал её нежным взором. Начались танцы, и он отомстил Ленскому за его обман, демонстративно ухаживая за Ольгой.

Не в силах Ленский снесть удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули – больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.
Так завершается глава.

Вопросы и задания

- Какую роль играет сон Татьяны в развитии сюжета?

Глава шестая

Эта глава о дуэли. Русская дуэль неоднократно описывалась не только в стихах и прозе, но и в научных исследованиях. Сам Пушкин был участником двух десятков дуэлей, но на его совести не было кровавых жертв. След трагических исходов дуэли для нас очевиден: судьба Пушкина и Лермонтова известна.

* * *

< … > Онегин выстрелил. Пробили

Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет,

XXXI

На грудь кладёт тихонько руку
И падает. <…>

XXXV

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений. <…>

Раскаяние Онегина, размышления автора завершают прощание с поэтом.

Вопросы и задания

1. Насколько точен поэт в доказательстве случайности и ничтожности причин, которые подтолкнули умных и благородных друзей на бессмысленный поступок? Насколько очевидна психологическая ситуация для понимания причин ссоры и драматичности конфликта?

2. Можно ли считать дуэль кульминацией романа? Докажите рассуждениями своё решение.

3. Подготовьте очерк о судьбе дуэли в русском обществе XIX века.

Глава седьмая

Но время идёт. Женихам Татьяна отказывает. И её везут в Москву, на ярмарку невест. Для бедной Тани путешествие на ярмарку невест – скучное и утомительное занятие. Однако её замечает генерал. Так судьба Татьяны приближается к важному событию.

Глава восьмая

Вновь появляется Евгений.

VIII

<…>
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнёт иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, да целый свет?
По крайней мере, мой совет:
Отстать от моды обветшалой.
Довольно он морочил свет…
– Знаком он вам? – И да и нет.

Перечитывая эту главу, попробуем ещё раз решить, кем предстал перед читателем Евгений Онегин.

Нужно увидеть и ту Татьяну, которую встретил Онегин, спустя несколько лет.

Онегин влюблён! Как когда-то Татьяна писала письмо Онегину, теперь Евгений пишет ей письмо. Попробуйте сравнить эти два письма. Что отличает и что сближает их?

XXXII

<…
А он упрям, отстать не хочет,
Ещё надеется, хлопочет,
Смелей здорового, больной
Княгине слабою рукой
Он пишет страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему невмочь.
Вот вам письмо его точь-в-точь.

Письмо Онегина к Татьяне

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встретя,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Ещё одно нас разлучило…
Несчастной жертвой Ленский пал…
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть… вот блаженство!

И я лишён того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,

Что с вами днём увижусь я…
Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать – и разумом всечастно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядя на вас весёлым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле,
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь посланье.
Второму, третьему письму
Ответа нет. <…>

Надежды нет. Проходит зима. Долгие месяцы добровольного одиночества ничего не меняют в чувствах Онегина.

XXXIX

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалася зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошёл с ума.
<…>

Прочитайте отповедь, которую он услышал от Татьяны в финале этого повествования.

XLVII

<…
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
И буду век ему верна.

XLVIII

Она ушла. <…>

Жизнь продолжается. У романа – открытый финал. Внимательно перечитаем строфу XLVIII:

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражён.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружён!
Но шпор внезапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго… Навсегда. <…>

У романа Евгения и Татьяны нет конца. И открытый финал с точки зрения его восторженного читателя В. В. Набокова – доказательство мастерства Пушкина.

Вопросы и задания

1. Что узнали и чего не узнали мы о судьбах главных героев романа?

2. Какой урок преподнесла Онегину Татьяна?

Как вы объясните привлекательность открытого финала

для Набокова? Прав ли он, утверждая, что именно такова жизнь, которая чаще всего предлагает нам открытые финалы. Попробуйте решить для себя этот вопрос.

Вопросы и задания ко всему тексту романа «Евгений Онегин»

⏩**1.** Пейзаж в романе «Евгений Онегин» занимает важное место и обладает важным свойством – психологизмом. Рассмотрите одно из пейзажных описаний в памятных вам строках и попытайтесь доказать, что они обладают этим свойством.

2. Проследите за метафорами, эпитетами и сравнениями, воспроизводящими мир природы в романе. Подтверждают ли ваши наблюдения вывод о психологизме изображения картин природы в романе?

⏩**1.** Попробуйте вкратце передать сюжет романа, используя в своём рассказе стихотворные вставки. Не забудьте, что в романе – открытый финал, поэтому в нём нет развязки.

2. Создайте словесный портрет Онегина: «Онегин как герой своей эпохи».

3. Критик В. Г. Белинский называет Онегина «страдающим эгоистом» и «эгоистом поневоле». Как вы понимаете эту оценку героя романа?

4. Для Пушкина Татьяна – идеал русской женщины. Что в её облике и характере особенно высоко ценит автор? Какие её качества привлекательны и для нас, людей конца XXI века? Решите, почему не она обозначена в названии романа.

5. «„Онегин“, – утверждал Белинский, – есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии…» Если вы согласны с этим суждением, попробуйте доказать его верность.

6. Докажите, что роман «Евгений Онегин» – «энциклопедия русской жизни» своей эпохи.

7. Подготовьте сообщение о труде В. В. Набокова «Комментарий к роману А. С. Пушкина „Евгений Онегин“».

Моцарт и Сальери

Болдинской осенью 1830 года Пушкин создал свои «маленькие трагедии»: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость».

Замысел «Моцарта и Сальери» родился ранее. На оборотной стороне листка с автографом «Стихов, сочинённых ночью во

время бессонницы», есть запись: *«Зависть»*.

В книге «Болдинская осень» (М., 1974) читаем: «Конечно, не „Зависть“. Конечно, „Моцарт и Сальери“. Трагедия не исчерпывается опытом драматического изучения одной страсти, как не исчерпывается рассказом об отравлении композитора Моцарта композитором Сальери».

Печатая трагедию, Пушкин сам указал время её создания – «26 октября 1830 года». Тогда всего год прошёл со дня смерти Сальери.

Справка. ***Моцарт*** *Вольфганг Амадей* (1756–1791) – австрийский композитор. Им создано много музыкальных произведений различных жанров: 20 опер, 50 симфоний, «Реквием» и другие произведения. ***Сальери*** *Антонио* (1750–1825) – итальянский композитор. С 1766 года жил в Вене. Автор многих опер. Учитель Л. Бетховена, Э. Шуберта, Ф. Листа.

Напомним одно из свидетельств той поры: «Сальери опять плохо, – записал в „Разговорной тетради“ Бетховена его секретарь. – Он в полном расстройстве и фантазирует, что виновен в смерти Моцарта, которого отравил. Это правда, потому что он хочет признаться в этом на исповеди». Вот уже полтора столетия не прекращаются споры об этом преступлении. Пушкин, работая над произведением, не ссылался на источники.

Сцена I

Комната

Сальери

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовию к искусству;
Ребёнком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви вашей,
Я слушал и заслушивался – слёзы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрёкся я и предался

Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолел
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость,
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушённый,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить, но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять уже о славе,
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слёзы вдохновенья,
Я жёг мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя, и звуки, мной рождены,
Пылая, с лёгким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны,
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошёл ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался,
И встречным послан в сторону иную?
Усильным, напряжённым постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашёл созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! Никогда я зависти не знал,
О, никогда! – ниже, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Ниже, когда в первый раз
Я Ифигении[32] начальньи звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеёй, людьми растоптанною, вживе

Песок и пыль грызущую бессильно?
Никто!.. А ныне – сам скажу – я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. – О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?..
О Моцарт, Моцарт!

Входит **Моцарт**

Моцарт

Ага! Увидел ты! А мне хотелось
Тебя нежданной шуткой угостить.

Сальери

Ты здесь! – давно ль?

Моцарт

Сейчас. Я шёл к тебе,
Нёс кое-что тебе я показать:
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку… Нет, мой друг Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал… Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал voi che sapete[33]
Чудо!
Не вытерпел, привёл я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

(*Входит слепой старик со скрипкой.*)

Из Моцарта нам что-нибудь!

Старик играет арию Дон Жуана.

Моцарт хохочет

Сальери

И ты смеяться можешь?

Моцарт

Ах, Сальери!
Ужель и сам ты не смеешься?

Сальери

Нет!
Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошёл, старик.

Моцарт

Постой же: вот тебе
Пей за моё здоровье.

Старик уходит.

Ты, Сальери,
Не в духе нынче, Я приду к тебе
В другое время.

Сальери

Что ты мне принёс?

Моцарт

Нет – так: безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,

И в голову пришли мне две-три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твоё мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.

Сальери

Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцарт
(*за фортепиано*)

Представь себе… кого бы?
Ну, хоть меня – немного помоложе;
Влюблённого – не слишком, а слегка —
С красоткой или с другом – хоть с тобой,
Я весел… Вдруг: виденье гробовое.
Незванный мрак иль что-нибудь такое…
Ну, слушай же.

(*Играет.*)
Сальери

Ты с этим шёл ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! – Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

Моцарт

Что ж, хорошо?

Сальери

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

Моцарт

Ба! Право? Может быть.
Но божество моё проголодалось.

Сальери

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

Моцарт

– Пожалуй;
Я рад. Но дай, схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня к обеду
Не дожидалась.

(*Уходит.*)
Сальери

Жду тебя; смотри ж.
Нет! Не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить – не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой…
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты ещё достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падёт опять, как он исчезнет;
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нём? Как некий херувим,
Он несколько занёс нам песен райских,
Чтоб возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! Чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой

И никогда на шёпот искушенья
Не преклонялся я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принес незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может новый Гайден сотворит
Великое – и наслажуся им…
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры,
И я был прав! И наконец нашёл
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь – пора! заветньий дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

Сцена II

Особая комната в трактире; фортепиано.
Моцарт и **Сальери** и за столом.

Сальери

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт

Я? Нет!

Сальери

Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

Моцарт

Признаться,
Мой Requiem меня тревожит.

Сальери

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцарт

Давно, недели три. Но странный случай…
Не сказывал тебе я?

Сальери

Нет.

Моцарт

Так слушай.
Недели три тому пришёл я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего – не знаю.
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашёл и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать – и с той поры за мною
Не приходил мой чёрный человек:
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Между тем я…

Сальери

Что?

Моцарт

Мне совестно признаться в этом…

Сальери

В чём же?

Моцарт

Мне день и ночь покоя не даёт
Мой чёрный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам третей
Сидит.

Сальери

И полно! Что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли чёрные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку,
Иль перечти „Женитьбу Фигаро“».

Моцарт

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него «Тарара»[34] сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив…
Я всё твержу его, когда я счастлив…
Ла ла ла ла… Ах, правда ли Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

Сальери

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

Моцарт

Он же гений
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?

Сальери

Ты думаешь?

(*Бросает яд в стакан Моцарта.*)

Ну, пей же!

Моцарт

За твоё
Здоровье, друг, за искренний союз
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.

(*Пьёт.*)
Сальери

Постой,
Постой, постой!.. Ты выпил!.. Без меня?

Моцарт
(*Бросает салфетку на стол.*)

Довольно, сыт я.

(*Идёт к фортепиано.*)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem.

(*Играет.*)

Ты плачешь?

Сальери

Эти слёзы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсёк
Страдавший член! друг Моцарт, эти слёзы…
Не замечай их. Продолжай, спеши
Ещё наполнить звуками мне душу…

Моцарт

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать: никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни:
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливцев праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же!

Сальери

До свиданья.

(*Один.*)

Ты заснёшь
Надолго, Моцарт! Но ужель он прав
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
Бонаротги? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы – и не был
Убийцею создатель Ватикана?

Вопросы и задания

1. Какое событие лежит в основе этой драмы?

2. Где видите вы завязку и кульминацию этой пьесы? Какой момент считаете её развязкой?

3. Проследите за логикой рассуждений Сальери. Какое соображение может решительно опровергнуть его доводы?

4. Определите масштаб проблемы, которую предлагает своим читателям автор этого произведения?

5. Как объясняете вы поступок Сальери? Какими утверждениями можете вы отвергнуть его самооправдания?

⏩**1.** В репликах героев очень часто используется приём, который обычно называют переносом. Этот приём помогает более отчётливому и внимательному, как бы чётко разбитому на части чтению текста. Найдите несколько примеров особенно важных «переносов».

Справка. *Перенос (анжанбеман)* – в стихотворной речи несовпадение синтаксического и ритмического деления: предложение разрывается ритмической паузой и его конец переносится в следующий стих. Например:

«А гений и злодейство —
две вещи несовместные».

2. Какую роль сыграл образ старика со скрипкой для понимания характера героев – и Моцарта, и Сальери?

3. Какую роль в решении проблемы играет вновь и вновь упоминающийся в пьесе «создатель Ватикана»?

4. Какие афоризмы вошли в нашу речь из этой «маленькой драмы»?

5. Как объяснить, почему слова «Гений и злодейство / Две вещи несовместные» звучат в речи и Моцарта, и Сальери и разделены одним и тем же переносом?

⏩⏩**1.** Почему составители книги «Болдинская осень» так решительно восстали против ограниченного толкования проблематики драмы? Как мотив зависти связан с кругом проблем, которые обозначает эта драма?..

2. Как связана легенда об отравлении Моцарта с оценкой того, что такое творчество?

3. Напишите сочинение (или только его план) на тему одного из популярных афоризмов этой драмы: «Гений и злодейство – две вещи несовместные»; «Поверил (Проверил – *Авт.*) я алгеброй

гармонию»; «Труден первый шаг и скучен первый путь», «Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля, / Мне не смешно, когда фигляр презренный / Пародией бесчестит Алигьери».

О реализме

Все литературные направления заботились о правдивости, естественности отражения жизни. Всё же был прав один из писателей начала XX века, когда сказал, что «классики видели предметы в освещении фейерверка, сентименталисты признавали свет луны, романтикам нужна была молния…». Одним реалистам, представителям того направления, которое решилось отражать жизнь такой, как она есть, выпало на долю постигнуть глубины мысли и чувств, не отрываясь от жизненной правды. Однако великие писатели, которых принято называть классиками, представляли все эти направления, и нельзя сказать, что только реалисты могут быть признаны единственными авторами, которые наставляют читателей и волнуют их умы и сердца.

Чтобы задуматься над такой сложной проблемой, как отражение жизни в искусстве, проследим, как меценат Савва Мамонтов помогал певцу Фёдору Шаляпину сформировать художественный вкус. Великий актёр рассказал об этом в своей книге «Маска и душа» (начало событий происходит на Нижегородской ярмарке).

«Вкус, должен я признаться, был у меня в то время крайне примитивный.

– Не останавливайтесь, Феденька, у этих картин, – говорит, бывало, Мамонтов. – Это всё плохие.

Я недоуменно пялил на него глаза.

– Как же плохие, Савва Иванович? Такой ведь пейзаж, что и на фотографии так не выйдет.

– Вот это и плохо, Феденька, – добродушно улыбаясь, отвечал Савва Иванович. – Фотографии не надо. Скучная машинка.

И он вёл меня в отдельный барак, выстроенный им самим для произведений Врубеля.

– Вот, Феденька, – указывал он на „Принцессу Грёзу“, – вот это вещь замечательная. Это искусство хорошего порядка.

А я смотрел и думал: „Чудак наш меценат. Чего тут хорошего? Наляпано, намазано, неприятно смотреть. То ли дело пейзажик, который мне утром понравился в главном зале выставки. Яблоки как живые – укусить хочется; яблоня такая красивая – вся в цвету. На скамейке барышня сидит с кавалером, и кавалер так чудесно одет (какие брюки! Непременно куплю себе

такие)“.

Я, откровенно говоря, немного в этих суждениях Мамонтова сомневался. И вот однажды в минуту откровенности я спросил его:

– Как же это так, Савва Иванович? Почему вы говорите, что „Принцесса Грёза“ Врубеля – хорошая картина, а пейзаж – плохая? А мне кажется, что пейзаж хороший, а „Принцесса Грёза“ – плохая.

– Вы ещё молоды, Феденька, – ответил мне мой просветитель. – Мало вы видели. *Чувство в картине Врубеля большое*.

Объяснение это не очень меня удовлетворило, но очень взволновало».

Для нас поучителен и финал этой истории.

«В Москве мне предстояло… решить спор между аппетитной яблоней в цвету, понравившейся мне, и неудобоваримой „Принцессой Грёзой“, нравившейся С. И. Мамонтову… Наш знаменитый пейзажист Исаак Ильич Левитан не имел прямого отношения к моей театральной работе, но именно он заставил меня почувствовать ничтожность банальной яблони в цвету и великолепных брюк молодого человека на скамейке…

– Протокольная правда, – говорил Левитан, – никому не нужна. Важна ваша *песня*, в которой *вы* поёте лесную или садовую тропинку.

Я вспомнил о „фотографии“, которую Мамонтов называл „скучной машинкой“, и сразу понял, в чём суть. Фотография не может мне спеть ни о какой тропинке – ни о лесной, ни о садовой. Это только протокол. Я понял, что не нужно копировать предметы и усердно их раскрашивать, чтобы они казались возможно более эффектными, – это не искусство. Понял я, что во *всяком* искусстве важнее всего чувство и дух – тот глагол, которым пророку было повелено жечь сердца людей. Что этот глагол может звучать и в краске, и в линии, и в жесте – как в речи».

Наблюдения Шаляпина помогают задуматься над тем, что любое направление в искусстве связано с жизнью и может отражать жизнь, хотя формы этого отражения различны.

В XIX веке русская литература достигла расцвета, и этот расцвет во многом был связан с **реализмом**. Термин «реализм» утвердился лишь в конце XIX века, но само направление определилось раньше. Самым отчётливым признаком этого направления можно признать его стремление к широкому, многостороннему, правдивому отражению реальной жизни. Часто отмечают, что при этом типические характеры изображаются в

типических обстоятельствах.

Реализму свойственно стремление охватить действительность во всём богатстве её содержания, осмысляя всю цепочку причин и следствий в каждой жизненной ситуации. Реализм демонстрирует способность передавать самое сложное переплетение различных фактов, определяющих течение истории. Точное отражение реального мира вы наблюдали, изучая «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, используя при этом материалы его же «Истории Пугачёва». По утверждению французского писателя-реалиста О. де Бальзака, писателю принадлежит лишь роль секретаря, а историком является само общество.

В русской литературе XIX века реализм связан с творчеством Пушкина, Крылова, Тургенева, Некрасова, Льва Толстого и многих других поэтов, писателей, драматургов.

Вопросы и задания

1. Какие признаки реализма вы можете назвать?

2. Почему можно утверждать, что каждое литературное направление стремится отразить правду жизни?

3. Что привлекает вас в героях реалистических произведений?

4. Может ли сказка быть реалистическим произведением?

5. Может ли басня быть реалистическим произведением?

6. Попробуйте доказать, что прозаические произведения Пушкина, которые вы изучали, можно назвать реалистическими произведениями.

7. Можно ли считать реалистическими сатирические произведения? Мотивируйте свой ответ.

8. Каким героем вы считаете Руслана? Можно ли считать, что он романтический герой?

9. Как доказать, что Евгений Онегин – реалистический герой?

10. Можно ли утверждать, что такие разные люди, как Евгений Онегин и Владимир Ленский, – реалистические герои? Напишите сравнительную характеристику героев.

11. Как объяснить, что Владимира Ленского часто считают романтическим героем? Как это опровергнуть, если такое утверждение неверно?

12. Можно ли считать, что открытый финал – признак реалистического произведения?

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Судьба и поэзия Михаила Лермонтова овеяны глубоким трагизмом. Известный исследователь творчества Лермонтова Эмма Гернштейн в книге «Судьба Лермонтова» писала: «В истории жизни и гибели Лермонтова есть какая-то тайна. Белые листы, корешки вырезанных страниц, письма с оторванным концом – вот что мы находим в рукописях, в которых говорится о судьбе поэта». И прежде всего загадочно то, что личность поэта вся словно соткана из противоречий.

На внутреннюю сложность Лермонтова указывал ещё А. И. Герцен: «Он влачил тяжкий груз скептицизма через все мечты и наслаждения». Белинский отмечал «в рассудочном, охлаждённом и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого».

Соединение несоединимого отразилось и в описании внешности Лермонтова, лучшее из которых принадлежит И. С. Тургеневу: «В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-тёмных глаз. Их тяжёлый взор странно не согласовывался с выражением почти детских нежных выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь ощущал всякий».

Впоследствии впечатления современников были великолепно обобщены В. Я. Брюсовым в его сонете:

К портрету Лермонтова

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил.

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чём томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.
И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованых стихах!

Светлые и трагические воспоминания оставили детские годы поэта. Родился он в Москве, но вскоре был перевезён к бабушке Елизавете Алексеевне Арсеньевой в имение Тарханы Пензенской губернии.

«Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал; её не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услыхал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне покойная мать».

Ангел

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел,
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Д. С. Мережковский был уверен, что «вся поэзия Лермонтова – воспоминание об этой песне, услышанной в прошлой вечности», что всё написанное позднее это и есть воспоминание о прошлом и вечном.

Детство было омрачено ранней смертью матери, разрывом

между отцом и бабушкой, рассказами о самоубийстве деда на новогоднем балу в Тарханах. Всё это, несомненно, повлияло на характер Лермонтова, а следовательно, и на его творчество.

После смерти матери Елизавета Алексеевна добилась, чтобы маленький внук Миша остался на её попечении, и ему пришлось жить в разлуке с отцом, о котором он слышал только дурное. Впоследствии он отмёл все недостойные наветы на отца и отдал ему должное в стихотворении, посвящённом его смерти.

Ужасная судьба отца и сына…

Ужасная судьба отца и сына
Жить разно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
……
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный Творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!..

Бабушка заботилась о будущем внука, дала ему хорошее образование, сначала дома под руководством замечательного педагога русского и латинского языков Александра Зиновьевича Зиновьева. Он следил за новыми течениями в искусстве и литературе, питал склонность к романтизму, его воззрения повлияли на формирование поэтических взглядов юного Лермонтова. Ещё с ранних юношеских лет Лермонтов тянется к поэзии и задумывается над сущностью поэтического творчества.

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного[35] востока.

Наезднику в горах служил он много лет,

Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.
Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарёй
Никто с усердьем не читает…

* * *

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Своё утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам[36] в часы молитвы.

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой[37],
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык, —
Нас тешат блёстки и обманы;

Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны…

Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

Вопросы и задания

▸**1.** Объясните, почему автор выбрал такое название для стихотворения.

2. Охарактеризуйте особенности композиции стихотворения.

▸▸**1.** Какую роль играют первая и вторая части стиха в композиции этого произведения?

2. Какой художественный приём наиболее активно используется в этом стихотворении?

3. Найдите в стихотворении наиболее яркое определение роли поэта.

▸▸▸В каких известных вам стихотворениях Лермонтов размышляет о роли поэта в обществе?

С сентября 1828 по август 1832 года Лермонтов учится в Московском благородном пансионе, а затем и в университете. Н. Ф. Вистенгоф воссоздаёт в своих воспоминаниях образ Лермонтова-студента. «Выделялись между нами и люди, горячо принявшиеся за науку: Станкевич, Строев, Красов, Компанейщиков, Плетнёв, Лермонтов, Ефремов…

Перед рождественскими праздниками профессора… проверяли знания своих слушателей за пройденное полугодие…

Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал Лермонтову какой-то вопрос. Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать. Победоносцев сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

– Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

– Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабжённой всем современным…

Лермонтов любил посещать каждый вторник тогдашнее

великолепное московское Благородное собрание, блестящие балы которого были очаровательны. Он всегда был изысканно одет, а при встрече с нами делал вид, будто нас не замечает. Не похоже было, что мы с ним были в одном университете, на одном факультете и на одном и том же курсе. Он постоянно окружён был хорошенькими молодыми дамами высшего общества и довольно фамильярно разговаривал и прохаживался по залам с почтенными и влиятельными лицами…»

При этом продолжаются раздумья молодого поэта над сущностью творчества, идут напряжённые поиски своего места в поэзии.

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветём недолго, быстро увядаем…
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье…
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует…
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд её мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

В Москве юный Лермонтов испытал глубокие сердечные чувства к Варваре Александровне Лопухиной, которая была потом выдана замуж и всю жизнь прожила с нелюбимым человеком. Наталья Фёдоровна Иванова, к которой Лермонтова тоже влекло сильное чувство, не ответила взаимностью. Этим женщинам поэт посвятил много прекрасных стихотворений.

Исследователи отмечают особенности любовной лирики Лермонтова. В его стихах изображается не столько образ любимой женщины, не столько выражается признание в любви, сколько рассказывается о своём отношении к миру.

Нет, не тебя так пылко я люблю…

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе лишь прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором,
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах – огонь угаснувших очей.

Вопросы и задания

1. Подберите самостоятельно для анализа несколько стихотворений из любовной лирики Лермонтова («Я не унижусь пред тобой…», «Но я вас помню – да и точно…», «Оставь напрасные заботы…», «Прости! – мы не встретимся боле…» и т. д.).

2. Что объединяет и различает их в передаче любовного чувства, образов любящего и любимого?

В 1832 году Лермонтов переезжает в Петербург и собирается поступать в Петербургский университет. Однако случилось так, что он поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Хотелось самостоятельности. Офицерская служба, казалось, давала больше возможности быть в действии, в движении. Но… поэт очутился в среде людей, которые мечтали лишь о блестящей служебной карьере и развлечениях.

В конце 1834 года Лермонтов был произведён в корнеты гусарского полка, который размещался в Царском Селе. Служба занимала немного времени. Лермонтов посещает балы, маскарады. Но больше отдаётся литературным занятиям. Наблюдения за нравами офицерства и светского общества отразились в незавершённом романе «Княгиня Лиговская» и драме «Маскарад».

Наступил январь 1837 года. Гибель Пушкина всколыхнула всю Россию. Лермонтов выступил с полным скорби и негодования

стихотворением «Смерть поэта», был арестован и выслан на Кавказ. Имя поэта сразу стало известным в русском обществе. Его стихотворное обличение было справедливо воспринято современниками как смелое политическое выступление.

Весной 1837 года Лермонтов прибыл на Кавказ. Здесь он беспрерывно странствовал: изъездил всю линию от Кизляра до Тамани, ночевал в чистом поле, засыпал под вой шакалов. Полученные впечатления нашли отражение в поэмах «Мцыри», «Демон», романе «Герой нашего времени».

Осенью ссылка закончилась. Е. А. Арсеньевой удалось, заручившись поддержкой В. А. Жуковского, добиться возвращения внука в столицу.

Петербург встретил Лермонтова как признанного поэта. По словам писателя Муравьева, «песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду». Прочитав «Три пальмы», Белинский воскликнул: «На Руси появилось новое могучее дарование – Лермонтов».

Вторая ссылка на Кавказ последовала в 1840 году после дуэли с сыном французского посла де Барантом. Направляясь к месту ссылки, поэт на несколько дней остановился в Москве и на одном литературном обеде читал отрывки из «Мцыри» в присутствии Гоголя.

Служба на Кавказе носила боевой характер. Он участвовал в кровопролитных боях, проявляя чудеса храбрости. Командование ходатайствовало о награждении поручика Лермонтова орденами и золотой саблей, но царь «не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую награду».

Пленный рыцарь

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют все вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжёлый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время – мой конь неизменный,
Шлема забрало – решётка бойницы,
Каменный панцирь – высокие стены,
Щит мой – чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронёю мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдёрну с лица я забрало.

Вопросы и задания

1. Какие мысли и настроения владеют лирическим героем?

2. Почему Пленному рыцарю и больно, и стыдно? Испытывает ли герой чувство вины?

3. В чём смысл заглавия стихотворения? Ю. М. Лотман считает, что в нём заложено определённое противоречие: «само понятие „рыцарь“ включает в себя в нашем сознании представление о смелости, воинственности, боевых подвигах, но отнюдь не понятий плена, заключения и тюрьмы». Согласны ли вы с таким толкованием заглавия? Мотивируйте своё мнение.

4. Какие реалии жизни Лермонтова и окружающей его действительности отражены в этом стихотворении?

1. С помощью каких приёмов они передаются (эпитеты, метафора, антитеза и т. д.)? Приведите конкретные примеры из текста.

2. Какие темы развиваются во второй строфе? Что подчёркивают слова «старинный», «помнить»? Какую окраску чувствам героя они придают?

3. Третья и четвёртая строфы, по утверждению Ю. М. Лотмана, представляют собой развёрнутую метафору. Проанализируйте её и раскройте смысл.

Во многих стихотворениях Пушкина и Лермонтова узник мечтает об освобождении из неволи. Здесь же герой видит своё освобождение в смерти. Почему, по-вашему, он с нетерпением ждёт её?

В начале 1841 года Лермонтов в столице хлопотал о своей отставке. Ему хотелось заниматься только литературной деятельностью, мечтал издавать журнал. Но выйти в отставку ему не разрешили. После кратковременного отпуска он был вынужден покинуть Петербург. Перед отъездом Лермонтов говорил об

ожидавшей его скорой смерти, так как знал, что его полк назначен в самую тяжёлую экспедицию. Прощаясь с Петербургом, поэт написал гневное стихотворение «Прощай, немытая Россия…».

Мрачное предчувствие, и не просто предчувствие, а видение своего будущего отразилось в стихотворении «Сон», написанном в год смерти.

15 июля, между 6 и 7 часами вечера, Лермонтов был убит на дуэли Мартыновым.

Роман «Герой нашего времени» состоит из повестей, имеющих собственные законченные сюжеты, объединённых образом главного героя – Григория Александровича Печорина. Это «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист». Есть в произведении два предисловия: первое – ко всему роману, второе – к дневнику Печорина.

Герой нашего времени. *Фрагменты*

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так ещё молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце её не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она ещё не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более

острое, почти невидимое, и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает своё правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе ещё недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых… Старая и жалкая шутка! Но видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрёка в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурён, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нём больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить – это уж Бог знает!

Журнал Печорина. *Предисловие*

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить своё имя над чужим произведением. Дай Бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие

меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был ещё его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге, следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастия любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упрёков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал её своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменил все собственные имена, но те, о которых в нём говорится, вероятно, себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась ещё толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать моё мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. – «Да это злая ирония!» – скажут они. – Не знаю.

I. Тамань

Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да ещё вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «кто идёт?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казённой надобности, и стал требовать казённую квартиру. Десятник нас повел по городу. К которой избе ни подъедем –

занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к чёрту, только к месту!» – закричал я. «Есть ещё одна фатера, – отвечал десятник, почёсывая затылок, – только вашему благородию не понравится; там нечисто!» Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперёд, и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведённом оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен её, и внизу с беспрерывным ропотом плескались тёмно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, на покорную ей стихию, и я мог различить при свете её, далеко от берега, два корабля, которых чёрные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона. «Суда в пристани есть, – подумал я, – завтра отправлюсь в Геленджик».

При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина – молчат; стучу – молчат… что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати.

«Где хозяин?» – «Нема». – «Как? совсем нету?» – «Совсим». – «А хозяйка?» – «Побигла в слободку». – «Кто ж мне отопрёт

дверь?» – сказал я, ударив в неё ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднёс её к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мною неподвижно, и я начал рассматривать черты его лица.

Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто, с потерею члена, душа теряет какое-нибудь чувство.

Итак, я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз?.. Долго я глядел на него с невольным сожалением, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление. В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напрасно я старался уверить себя, что бельмы подделать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубеждениям…

«Ты хозяйский сын?» – спросил я его наконец. – «Ни». – «Кто же ты?» – «Сирота, убогий». – «А у хозяйки есть дети?» – «Ни; была дочь, да утикла за море с татарином». – «С каким татарином?» – «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошёл в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю её мебель. На стене ни одного образа – дурной знак! В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мною во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся Бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега; однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной поступью прошёл мимо меня. Под мышкой он нёс какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. «В тот день немые возопиют и слепые прозрят», – подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из вида.

Между тем луна начала одеваться тучами, и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шёл так близко от воды, что, казалось, сейчас волна его схватит и унесёт; но видно это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

– Что, слепой? – сказал женский голос, – буря сильна; Янко не будет.

– Янко не боится бури, – отвечал тот.

– Туман густеет, – возразил опять женский голос, с выражением печали.

– В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов, – был ответ.

– А если он утонет?

– Ну что ж? в воскресенье ты пойдёшь в церковь без новой ленты.

Последовало молчание; меня, однако, поразило одно: слепой говорил со мною малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

– Видишь, я прав, – сказал опять слепой, ударив в ладоши. – Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещет, меня не обманешь, – это его длинные вёсла.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

– Ты бредишь, слепой, – сказала она, – я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь наподобие лодки, но безуспешно. Так прошло минут десять; и вот показалась между горами волн чёрная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно подымаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние 20 вёрст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, я с невольным биением сердца глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныряла, и потом, быстро взмахнув вёслами, будто крыльями, выскакивала из

пропасти среди брызгов пены; и вот, я думал, она ударится с размаха об берег и разлетится вдребезги, но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из неё вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлён, когда, проснувшись, увидал меня совсем одетого; я ему однако ж не сказал причины. Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утёсом, на вершине коего белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но, увы! комендант ничего не мог сказать мне решительного. Суда, стоящие в пристани, были все – или сторожевые, или купеческие, которые ещё даже не начинали нагружаться. «Может быть, дни через три, четыре, придёт почтовое судно, – сказал комендант, – и тогда – мы увидим». Я вернулся домой угрюм и сердит. Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

– Плохо, ваше благородие! – сказал он мне.

– Да, брат, Бог знает, когда мы отсюда уедем! – Тут он ещё больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шёпотом:

– Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника; он мне знаком, – был прошлого года в отряде; как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой… уж видно здесь к этому привыкли.

– Да что ж? по крайней мере, показалась ли хозяйка?

– Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

– Какая дочь? у неё нет дочери.

– А Бог её знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я вошёл в лачужку. Печь была жарко натоплена, и в ней варился обед, довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глуха, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертёнок, – сказал я, взяв его за ухо, – говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?»

Вдруг мой слепец заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. никуды не ходив… с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумывают, да ещё на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твёрдо решившись достать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая вдаль; предо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенёс мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся… Так прошло около часа, может быть, и более… Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский, свежий голосок, – но откуда?.. Прислушиваюсь – напев странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь – никого кругом; прислушиваюсь снова – звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье, с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

Как по вольной волюшке —
По зелёну морю
Ходят все кораблики
Белопарусники.
Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодка неснащёная,
Двухвёсельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везёт моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в тёмну ночь
Буйная головушка».

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же

голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, прищёлкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина; поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивлённая моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры; пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице её не было никаких признаков безумия; напротив, глаза её с бойкою проницательностию останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчёт красоты. В ней было много породы… порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит юной Франции. Она, то есть порода, а не юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более 18 лет. Необыкновенная гибкость её стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив её слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос – всё это было для меня обворожительно. Хотя в её косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в её улыбке было что-то неопределённое, но такова сила предубеждений: правильный нос свёл меня с ума; я вообразил, что нашёл Гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, – и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни…

Под вечер, остановив её в дверях, я завёл с нею следующий разговор:

«Скажи-ка мне, красавица, – спросил я, – что ты делала сегодня на кровле?» – «А смотрела, откуда ветер дует». – «Зачем тебе?» – «Откуда ветер, оттуда счастье». – «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» – «Где поётся, там и счастливится». – «А как неравно напоёшь себе горе?» – «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко». – «Кто

ж тебя выучил эту песню?» – «Никто не выучил; вздумается – запою; кому услыхать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймёт». – «А как тебя зовут, моя певунья?» – «Кто крестил, тот знает». – «А кто крестил?» – «Почему я знаю». – «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал». (Она изменилась в лице, не пошевельнула губами, как будто не об ней дело.) «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказал ей всё, что видел, думая смутить её – нимало! Она захохотала во всё горло. «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» – и тут я сделал очень серьёзную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.

Только что смеркалось, я велел казаку нагреть чайник по-походному, засветил свечу и сел у стола, покуривая из дорожной трубки. Уж я доканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрипнула, лёгкий шорох платья и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся, – то была она, моя ундина! Она села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этот взор показался мне чудно-нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения. Лицо её было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука её без цели бродила по столу, и я заметил в ней лёгкий трепет; грудь её то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыхание. Эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал её в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она как змея скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: «Нынче ночью, как все уснут, выходи на берег», – и стрелою выскочила из комнаты. В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. «Экий бес-девка!» – закричал казак, расположившийся на соломе и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда всё на пристани умолкло, я разбудил своего казака. «Если я выстрелю из пистолета, – сказал я ему, – то беги на берег». Он выпучил глаза и машинально отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска; её одежда была более

нежели лёгкая, небольшой платок опоясывал её гибкий стан.

«Идите за мной!» – сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, как я не сломил себе шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц ещё не вставал, и только две звёздочки, как два спасительные маяка, сверкали на тёмно-синем своде. Тяжёлые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдём в лодку», – сказала моя спутница. Я колебался – я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступать было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел ещё опомниться, как заметил, что мы плывём. «Что это значит?» – сказал я сердито. «Это значит, – отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками, – это значит, что я тебя люблю…» И щека её прижалась к моей, и я почувствовал на лице моём её пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хвать за пояс – пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову! Оглядываюсь – мы от берега около пятидесяти сажень, а я не умею плавать! Хочу оттолкнуть её от себя – она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости… «Чего ты хочешь?» – закричал я, крепко сжав её маленькие руки; пальцы её хрустели, но она не вскрикнула: её змеиная натура выдержала эту пытку.

«Ты видел, – отвечала она, – ты донесёшь!» – и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки; её волосы касались воды; минута была решительная. Я упёрся коленкою в дно, схватил её одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил её в волны.

Было уже довольно темно; голова её мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал…

На дне лодки я нашёл половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытством, и прилёг в траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утёса всё, что внизу делалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных

волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан её и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; из неё, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но острижен он был по-казацки, и за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко, – сказала она, – всё пропало!» Потом разговор их продолжался, но так тихо, что я ничего не мог расслушать. «А где же слепой?» – сказал наконец Янко, возвыся голос. «Я его послала», – был ответ. Через несколько минут явился слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

– Послушай, слепой! – сказал Янко, – ты береги то место… знаешь? там богатые товары… скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте, а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он получше платил за труды, так и Янко бы его не покинул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! – После некоторого молчания Янко продолжал: – Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Нас же больше не увидит.

– А я? – сказал слепой жалобным голосом.

– На что мне тебя? – был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, примолвив: «На, купи себе пряников». – «Только?» – сказал слепой. «Ну, вот тебе ещё», – и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой её не поднял. Янко сел в лодку; ветер дул от берега: они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал белый парус между тёмных волн; слепой всё сидел на берегу, и вот мне послышалось что-то похожее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго… Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов?* Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и, как камень, едва сам не пошёл ко дну!

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружьё обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и пошёл в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал, – подарок приятеля, – всё исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня

обокрал, а восьмнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что сталось с старухой и с бедным слепым – не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да ещё с подорожной по казённой надобности!..

Конец первой части

Вопросы и задания

▸**1.** Исследователи определяют жанр «Тамани» как новеллу или очерк-новеллу. Вспомните жанровые признаки новеллы, отличающие её от рассказа или повести. Можно ли считать «Тамань» новеллой? Дайте развёрнутый ответ.

2. Как вы оцениваете поведение и личностные качества героя?

▸▸Охарактеризуйте особенности языка, которым написана новелла.

▸▸▸**1.** Можно ли обвинить Печорина в том, что он разрушил жизнь «честных контрабандистов»?

2. Произведение «Герой нашего времени» в литературоведении считают реалистическим социально-психологическим романом. Можно ли это утверждение целиком отнести к новелле «Тамань»? Какие социально-психологические проблемы в ней поставлены?

3. Найдите в тексте картины и сцены романтического и реалистического планов. Как они между собой связаны?

4. Проследите, как сочетается реальное и романтическое в изображении девушки-контрабандистки («ундины»).

5. В предисловии к роману заявлено, что герой – это «портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Какие же типические для всего поколения черты показаны в поведении и личности Печорина в новелле «Тамань»?

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852)

Гоголю трудно дались годы детства: плохое здоровье, частые болезни, сложности быта в Нежинской гимназии высших наук, где он учился с 1821 по 1828 годы… По воспоминаниям соучеников, он представляется то «красивым белокурым мальчиком, в густой зелени сада Нежинской гимназии, – любимцем своих товарищей, которых привлекала к нему его неистощимая шутливость», то подростком, который «постоянно косился… держался в стороне, смотрел всегда букою… редко когда мыл себе лицо и руки по утрам каждого дня…». Много лет спустя Гоголь писал Жуковскому: «Чувствовал я временами расположение к шутливости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки; вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению».

Гимназисты увлекались театром. Как вспоминает школьный товарищ Гоголя, они сами рисовали декорации и вели подготовку к спектаклям. Зрителями, кроме учеников и наставников, были соседние помещики и офицеры расположенной в Нежине дивизии. Участник этих спектаклей вспоминает, что «…удачнее всего давалась у нас комедия фон-Визина „Недоросль“. Видал я эту пьесу и в Москве, и в Петербурге, но сохранил навсегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний тогда Гоголь».

«Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, к которым я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, – пишет Гоголь в „Авторской исповеди“, – были почти все в лирическом и серьёзном роде». Первые пробы пера не принесли гимназисту удачи.

Но вот годы учёбы позади. Нужно было думать о том, как заработать на жизнь: крепостных, которые достались ему по наследству, Николай Васильевич отдал матери и сёстрам.

Гоголь едет в столицу. Как пишет Андрей Белый, «не владея образованием, языками, средствами, манерами, уменьем танцевать и свободно болтать с золотой молодёжью, надо было скромно усесться в угол». Но Гоголь так не поступил, он был полон жизненной энергии: служил в Департаменте уделов, занимался частным репетиторством, преподавал историю в Патриотическом институте и при этом постоянно и много читал.

Маменька пишет о нём своему родственнику: «Я вижу, что Никоша не выучился ещё расчётливо жить. Главный его расход – на книги, для которых он в состоянии лишиться и пищи».

Только после того, как Гоголь прожил два года в столице, стало определяться его будущее. К маю 1831 года было готово несколько повестей, составивших первый том «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

«Сейчас прочёл „Вечера на хуторе близ Диканьки“. Они изумили меня, – писал А. С. Пушкин. – Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность!.. Поздравляю публику с истинно весёлою книгою».

После создания этого замечательного сборника Гоголь вошёл в литературу, приобрёл друзей и знакомых в писательской среде, помощь и поддержку Пушкина и Жуковского. Гоголь заявил о себе как писатель чрезвычайно яркого дарования, но впечатления от его личности и поведения были очень часто самые противоречивые.

Вот как описывает его Тургенев: «Был одет в тёмное пальто, в зелёный бархатный жилет и коричневые панталоны. Казался худым и испитым… Заострённый нос придавал… нечто… лисье; невыгодное впечатление производили… одутловатые, мягкие губы… когда он говорил, они неприятно раскрывались и выказывали ряд нехороших зубов; маленький подбородок уходил в широкий, бархатный, чёрный галстук».

Но что значило это впечатление по сравнению с тем, как ярко выявлялся его талант, его художественное чутьё и умение увидеть и передать окружающий мир с необыкновенным блеском и в слове написанном, и в слове произнесённом? По воспоминаниям современника, «читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией… что слушатели приходили в восторг…». Великий комик Щепкин сказал так: «Подобного комика не видел и не увижу!» Жуковский утверждал, что его собственные стихи нравились ему более всего тогда, когда их брался читать Гоголь.

Писатель безукоризненно ощущал комические ситуации, подмечал всё смешное и при этом, что бывает очень редко, был способен видеть забавное и в своём собственном облике. Оцените, например, фрагмент письма, адресованного девушке, которую он мечтал видеть собственной невестой: «…можно сказать, что до Франкфурта добрался один только нос мой да несколько костей, связанных на живую нитку жиденькими мускулами, но дух бодр».

После выхода «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода», а затем «Арабесок» В. Г. Белинский провозгласил

Гоголя «главою литературы».

В 1835 году писатель приступает к главному делу своей жизни – созданию поэмы, в которой покажет всю Россию. В октябре он пишет Пушкину: «Начал писать „Мёртвых душ“. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе…

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но чисто русский анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию». Пушкин исполняет его просьбу.

Создание комедии отвлекло Гоголя от работы над поэмой «Мёртвые души». Только после триумфа «Ревизора» Гоголь едет за границу и там завершает работу над первым томом своего главного произведения. О создании «Мёртвых душ» рассказывает друг Гоголя, который записывал под его диктовку рукопись поэмы. Писатель очень эмоционально переживал все этапы своей работы. Когда ему показалось, что очередная глава удалась, то, прогуливаясь по улицам Рима, «…он пустился в пляс и стал вывертывать зонтиком… такие штуки, что ручка осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону».

Но вот первая часть задуманного труда завершена. Хлопоты по его изданию окончены. В мае 1842 года выходит из печати первый том «Мёртвых душ». Белинский писал, что это «… творение чисто русское, национальное… необъятно художественное по концепции и выполнению… и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое…».

Успех был необычайный, но радость и заботы не проходят даром: Гоголь вновь болен. За рубежом проходит шесть кочевых лет. Все трудней даются новые страницы, всё сложней он справляется со своими болезнями и неудачами.

В 1845 году Гоголь сжигает написанные главы второго тома «Мёртвых душ». В эти же годы он работает над книгой «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга вызвала шквал самой ожесточённой критики. «Здоровье моё потряслось от этой для меня сокрушительной истории по поводу моей книги», – пишет он П. В. Анненкову.

Работа над вторым томом «Мёртвых душ» продолжалась, но шла медленно. Гоголь смотрел на поэму, как на что-то, что лежало вне его, ему казалось, что он должен раскрыть какие-то заповедные тайны. «Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественной ясностью. А если я прочитаю написанное ещё не оконченным, кому бы то ни было, ясность уходит с глаз моих. Я это испытал много раз. Уверен, когда сослужу свою службу и окончу, на что я призван, то умру. А если выпущу на свет не

созревшее или поделюсь малым, мною совершаемым, то умру раньше, нежели выполню, на что я призван в свет».

В ночь на 12 февраля 1852 года Гоголь вновь сжёг написанные главы своей последней поэмы. Физически он слабел всё более и более: не выходил из своей комнаты, перестал есть, не принимал лекарства. При этом на все уговоры у него был один ответ: «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил ещё, буду жив!»

21 февраля 1852 года Гоголя не стало.

Мёртвые души. Том первый. *Фрагменты*

Глава I

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвёл в городе совершенно никакого шума и не был сопровождён ничем особенным: только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нём. «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет!» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился. Да ещё, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застёгнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошёл своей дорогой.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Он выбежал проворно с салфеткой в руке, весь длинный и в длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть не на самом затылке, встряхнул волосами и повёл проворно господина вверх по всей деревянной

галдарее показывать ниспосланный ему Богом покой. Покой был известного рода; ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленною комодом, где устроивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего. Наружный фасад гостиницы отвечал её внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в тёмно-красных кирпичиках, ещё более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною жёлтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, верёвками и баранками. В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с чёрною как смоль бородою.

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли кучер Селифан, низенький человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как видно с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. Вслед за чемоданом внесён был небольшой ларчик, красного дерева, с штучными выкладками из карельской берёзы, сапожные колодки и завёрнутая в синюю бумагу жареная курица. Когда всё это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка стал устроиваться в маленькой передней, очень тёмной конурке, куда уже успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой собственный запах, который был сообщён и принесённому вслед за тем мешку с разным лакейским туалетом. В этой конурке он приладил к стене узенькую трёхногую кровать, накрыв её небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и может быть так же замаслившимся, как блин, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу. Какие бывают эти общие залы – всякий проезжающий знает очень хорошо: те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие вверху от трубочного дыма и залоснённые снизу спинами разных проезжающих, а ещё более

туземными купеческими, ибо купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю, тот же закопчённый потолок, та же копчёная люстра со множеством висячих стёклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истёртым клеёнкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу, те же картины во всю стену, писанные масляными красками, – словом, всё то же, что и везде; только и разницы, что на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель верно никогда не видывал. Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно, в какое время, откуда и кем привезённых к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии, по совету вёзших их курьеров. Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым приготовляет своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как закутываться, а холостым – наверное не могу сказать, кто делает, Бог их знает, я никогда не носил таких косынок. Размотавши косынку, господин велел подать себе обед. Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоёным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких неделей, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец солёный и вечный слоёный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам; покамест ему всё это подавалось и разогретое и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, и много ли даёт дохода, и большой ли подлец их хозяин; на что половой по обыкновению отвечал: о, большой, сударь, мошенник. Как в просвещённой Европе, так и в просвещённой России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним. Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – словом, не пропустил ни одного значительного чиновника, но ещё с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках, сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живёт от города, какого даже характера и как часто приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так обстоятельно и с такою точностию,

которая показывала более, чем одно простое любопытство. В приёмах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал как труба. Это, по-видимому, совершенно невинное достоинство приобрело однако ж ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего? После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой нумер, где, прилегши, заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию. На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям. Когда половой всё ещё разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворён, ибо нашёл, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза жёлтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Домы были в один, два и полтора этажа с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живости. Попадались почти смытые дождём вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Фёдоров»; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша. Под всем этим было написано: «И вот заведение». Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в неё вилкою. Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконическою надписью: «Питейный дом». Мостовая везде была плоховата. Он заглянул и в городской сад,

который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зелёною масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых дерев, дающих прохладу в знойный день, и что при этом было очень умилительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слёз в знак признательности к господину градоначальнику. Расспросивши подробно буточника, куда можно пройти ближе, если понадобится к собору, к присутственным местам, к губернатору, он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города, дорогою оторвал прибитую к столбу афишу с тем, чтобы, пришедши домой, прочитать её хорошенько, посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой следовал мальчик в военной ливрее с узелком в руке, и ещё раз окинувши всё глазами, как бы с тем, чтобы хорошо припомнить положение места, отправился домой прямо в свой нумер, поддерживаемый слегка на лестнице трактирным слугою. Накушавшись чаю, он уселся перед столом, велел подать себе свечу, вынул из кармана афишу, поднёс её к свече и стал читать, прищуря немного правый глаз. Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма Г. Коцебу, в которой Ролла играл Г. Поплёвин, Кору – девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны, однако же он прочёл их всех, добрался даже до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления, потом переворотил на другую сторону, узнать, нет ли и там чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протёр глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать всё, что ни попадалось. День, кажется, был заключён порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завёртку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

Весь следующий день посвящён был визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам. <…>

Глава II

<…> С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: «Барин,

подай сиротиньке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыстнул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости был вдали узрет полосатый шлахбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и ещё несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понёсся наконец по мягкой земле. Едва только ушёл назад город, как уже пошли писать по нашему обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по шнурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих шитых узорами утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел телёнок, или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные, проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть деревня, но и шестнадцатая верста пролетела мимо, а деревни всё не было видно, и если бы не два мужика, попавшиеся навстречу, то вряд ли бы довелось им потрафить на лад. На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал:

– Маниловка, может быть, а не Заманиловка?

– Ну да, Маниловка.

– Маниловка! а как проедешь ещё одну версту, так вот тебе, то есть так прямо направо.

– Направо? – отозвался кучер.

– Направо, – сказал мужик. – Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовётся так, то есть её прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный в два этажа, господский дом, в котором то есть живёт сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь, и не было.

Поехали отыскивать Маниловку. Проехавши две версты, встретили поворот на просёлочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты, кажется, сделали, а каменного дома в два этажа всё ещё не было видно. Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать. Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дёрном. На ней были

разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и жёлтых акаций; пять-шесть берёз небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зелёным куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью «Храм уединённого размышления», пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в англицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения, и частию по самому скату, темнели вдоль и поперёк серенькие бревенчатые избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту ж минуту принялся считать и насчитал более двухсот; нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самого мозгу носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдёрганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зелёном шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

– Павел Иванович! – вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички. – Насилу вы таки нас вспомнили!

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увёл своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что подобное предприятие очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера: там просто бросай краски со всей руки на полотно, чёрные палящие

глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо чёрный или алый, как огонь, плащ, и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей – эти господа страшно трудны для портретов. Тут придётся сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собою выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придётся углублять уже изощрённый в науке выпытывания взгляд.

Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Чёрт знает, что такое!» и отойдёшь подальше; если ж не отойдёшь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождёшься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснёшься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвёртый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтиться на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарён такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков – словом, у всякого есть своё, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало, и большею частию размышлял и думал, но о чём он думал, тоже разве Богу было известно. Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», – «Да, недурно», – отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда ещё служил в армии, где считался

скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером. «Да, именно недурно», – повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать», – «Ступай», – говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шёл пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход, или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение, впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14-й странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щёгольскою шёлковою материей, которая, верно, стоила весьма недёшево; но на два кресла её недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: не садитесь на эти кресла, они ещё не готовы. В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из тёмной бронзы с тремя античными грациями, с перламутным щёгольским щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги. Жена его… впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них всё ещё каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек, и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготовляемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто сидя на диване, вдруг совершенно неизвестно из каких причин один, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно было легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словом, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы

заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. Зачем, например, глупо и без толку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой? зачем воровка ключница? зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает всё остальное время? Но всё это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни; фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; всё это более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона. В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепьяно, потом французский язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязание сюрпризов, потом французский язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают методы. Не мешает сделать ещё замечание, что Манилова… но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперёд.

– Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пойду после, – говорил Чичиков.

– Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, – говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

– Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, – говорил Чичиков.

– Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

– Почему уж образованному?.. пожалуйста, проходите.

– Ну, да уж извольте проходить вы.

– Да отчего ж?

– Ну, да уж оттого! – сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

– Позвольте мне вам представить жену мою, – сказал Манилов, – душенька, Павел Иванович!

Чичиков, точно, увидел даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. Она была недурна; одета к лицу. На ней хорошо сидел матерчатый

шёлковый капот бледного цвета; тонкая небольшая кисть руки её что-то бросила поспешно на стол и сжала батистовый платок с вышитыми уголками. Она поднялась с дивана, на котором сидела. Чичиков не без удовольствия подошёл к её ручке. Манилова проговорила, несколько даже картавя, что он очень обрадовал их своим приездом и что муж её, не проходило дня, чтобы не вспоминал о нём.

– Да, – примолвил Манилов, – уж она бывало всё спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?» – «Погоди, душенька, приедет». А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца…

Чичиков, услышавши, что дело уже дошло до именин сердца, несколько даже смутился и отвечал скромно, что ни громкого имени не имеет, ни даже ранга заметного.

– Вы всё имеете, – прервал Манилов с тою же приятною улыбкою, – всё имеете, даже ещё более.

– Как вам показался наш город? – примолвила Манилова. – Приятно ли провели там время?

– Очень хороший город, прекрасный город, – отвечал Чичиков, – и время провёл очень приятно: общество самое обходительное.

– А как вы нашли нашего губернатора? – сказала Манилова.

– Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек? – прибавил Манилов.

– Совершенная правда, – сказал Чичиков, – препочтеннейший человек. И как он вошёл в свою должность, как понимает её! Нужно желать побольше таких людей.

– Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатес в своих поступках, – присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем.

– Очень обходительный и приятный человек, – продолжал Чичиков, – и какой искусник! я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры. Он мне показывал своей работы кошелёк: редкая дама может так искусно вышить.

– А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек? – сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

– Очень, очень достойный человек, – отвечал Чичиков.

– Ну позвольте, а как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

– Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и

председателем палаты до самых поздних петухов. Очень, очень достойный человек.

– Ну, а какого вы мнения о жене полицеймейстера? – прибавила Манилова. – Не правда ли, прелюбезная женщина?

– О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знаю, – отвечал Чичиков.

За сим не пропустили председателя палаты, почтмейстера и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самыми достойными людьми.

– Вы всегда в деревне проводите время? – сделал наконец в свою очередь вопрос Чичиков.

– Больше в деревне, – отвечал Манилов. – Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти.

– Правда, правда, – сказал Чичиков.

– Конечно, – продолжал Манилов, – другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь, этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое…

Здесь он ещё что-то хотел выразить, но, заметивши, что несколько зарапортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал:

– Тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого… Вот только иногда почитаешь «Сын Отечества».

Чичиков согласился с этим совершенно, прибавивши, что ничего не может быть приятнее, как жить в уединенье, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу…

– Но знаете ли, – прибавил Манилов, – всё, если нет друга, с которым бы можно поделиться…

– О, это справедливо, это совершенно справедливо! – прервал Чичиков, – что все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей для обращения, сказал один мудрец.

– И знаете, Павел Иванович! – сказал Манилов, явя в лице своём выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента. – Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение… Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастие, можно сказать образцовое, говорить с вами и

наслаждаться приятным вашим разговором…

– Помилуйте, что ж за приятный разговор?.. Ничтожный человек, и больше ничего, – отвечал Чичиков.

– О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: я бы с радостию отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..

– Напротив, я бы почёл с своей стороны за величайшее…

Неизвестно, до чего бы дошло взаимное излияние чувств обоих приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

– Прошу покорнейше, – сказал Манилов.

– Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах; у нас просто по русскому обычаю щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу.

Тут они ещё несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец Чичиков вошёл боком в столовую.

В столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже детей за стол, но ещё на высоких стульях. При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою. Хозяйка села за свою суповую чашку; гость был посажен между хозяином и хозяйкою, слуга завязал детям на шею салфетки.

– Какие миленькие дети, – сказал Чичиков, посмотрев на них, – а который год?

– Старшему осьмой, а меньшему вчера только минуло шесть, – сказала Манилова.

– Фемистоклюс! – сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался высвободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому неизвестно почему Манилов дал окончание на юс, но постарался тот же час привесть лицо в обыкновенное положение.

– Фемистоклюс, скажи мне, какой лучший город во Франции?

Здесь учитель обратил всё внимание на Фемистоклюса и, казалось, хотел ему вскочить в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклюс сказал: Париж.

– А у нас какой лучший город? – спросил опять Манилов.

Учитель опять настроил внимание.

– Петербург, – отвечал Фемистоклюс.

– А ещё какой?

– Москва, – отвечал Фемистоклюс.

– Умница, душенька! – сказал на это Чичиков.

– Скажите, однако ж… – продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумления к Маниловым. – Я должен вам

сказать, что в этом ребёнке будут большие способности.

– О, вы ещё не знаете его, – отвечал Манилов, – у него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшой Алкид, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, так уж у него вдруг глазёнки и забегают; побежит за ней следом и тотчас обратит внимание. Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс! – продолжал он, снова обратясь к нему, – хочешь быть посланником?

– Хочу, – отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утёр посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы капнула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актёрах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и как только замечал, что они были готовы усмехнуться, в ту же минуту открывал рот и смеялся с усердием. Вероятно, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращение. Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал вилкою по столу, устремив глаза на сидевших насупротив его детей. Это было у места, потому что Фемистоклюс укусил за ухо Алкида, и Алкид, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но, почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привёл рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиков отвечал всякий раз: «Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг гость объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

– В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет, – сказал Манилов и повёл в небольшую комнату, обращённую окном на синевший лес. – Вот мой уголок, – сказал Манилов.

– Приятная комнатка, – сказал Чичиков, окинувши её глазами.

Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской вроде серенькой, четыре стула, одно кресло, стол, на котором лежала книжка с

заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табашнице и наконец насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками. Заметно было, что это иногда доставляло хозяину препровождение времени.

– Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах, – сказал Манилов. – Здесь вам будет попокойнее.

– Позвольте, я сяду на стуле.

– Позвольте вам этого не позволить, – сказал Манилов с улыбкою. – Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради, или не ради, но должны сесть.

Чичиков сел.

– Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.

– Нет, не курю, – отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.

– Отчего? – сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

– Не сделал привычки, боюсь; говорят, трубка сушит.

– Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но благодаря Бога до сих пор так здоров, как нельзя лучше.

Чичиков заметил, что это точно случается, и что в натуре находится много вещей неизъяснимых даже для обширного ума.

– Но позвольте прежде одну просьбу… – проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное, или почти странное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего оглянулся назад. Манилов тоже неизвестно отчего оглянулся назад. – Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

– Да уж давно; а лучше сказать, не припомню.

– Как с того времени много у вас умерло крестьян?

– А не могу знать, об этом, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь.

Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и

перины. Можно было видеть тотчас, что он совершил своё поприще, как совершают его все господские приказчики: был прежде просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай.

– Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

– Да как сколько? Многие умирали с тех пор, – сказал приказчик и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою наподобие щитка.

– Да, признаюсь, я сам так думал, – подхватил Манилов, – именно очень многие умирали! – Тут он оборотился к Чичикову и прибавил ещё: «Точно, очень многие».

– А как, например, числом? – спросил Чичиков.

– Да, сколько числом? – подхватил Манилов.

– Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умирало, их никто не считал.

– Да именно, – сказал Манилов, обратясь к Чичикову, – я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло.

– Ты, пожалуйста, их перечти, – сказал Чичиков, – и сделай подробный реестрик всех поимённо.

– Да, всех поимённо, – сказал Манилов.

Приказчик сказал: «Слушаю!» – и ушёл.

– А для каких причин вам это нужно? – спросил по уходе приказчика Манилов.

Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряжённое выражение, от которого он даже покраснел, напряжение что-то выразить, не совсем покорное словам. И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких ещё никогда не слыхали человеческие уши.

– Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот какие: я хотел бы купить крестьян… – сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

– Но позвольте спросить вас, – сказал Манилов, – как желаете вы купить крестьян, с землёю или просто на вывод, то есть без земли?

– Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян, – сказал Чичиков, – я желаю иметь мёртвых…

– Как-с? извините… я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово…

– Я полагаю приобресть мёртвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые, – сказал Чичиков.

Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут. Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала. Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли какой усмешки на губах его, не пошутил ли он, но ничего не было видно такого, напротив, лицо даже казалось степеннее обыкновенного; потом подумал, не спятил ли гость как-нибудь невзначай с ума, и со страхом посмотрел на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны, не было в них дикого, беспокойного огня, какой бегает в глазах сумасшедшего человека, всё было прилично и в порядке. Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что ему сделать, но ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым очень тонкою струю.

– Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится лучше?

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него.

– Мне кажется, вы затрудняетесь?.. – заметил Чичиков.

– Я?.. нет, я не то, – сказал Манилов, – но я не могу постичь… извините… я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении; не имею высокого искусства выражаться… Может быть, здесь… в этом, вами сейчас выраженном изъяснении… скрыто другое… Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

– Нет, – подхватил Чичиков, – нет, я разумею предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли.

Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос – чёрт его знает. Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

– Итак, если нет препятствий, то с Богом, можно бы приступить к совершению купчей крепости, – сказал Чичиков.

– Как, на мёртвые души купчую?

– А, нет! – сказал Чичиков. – Мы напишем, что они живые, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чём не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон – я немею пред законом.

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он всё-таки никак не вник и вместо ответа принялся насасывать свой чубук так сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фагот. Казалось, как будто он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

– Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

– О! помилуйте, ничуть. Я не насчёт того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то есть критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или чтоб ещё более, так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России.

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а чрез минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины.

– Так вы полагаете?..

– Я полагаю, что это будет хорошо.

– А если хорошо, это другое дело: я против этого ничего, – сказал Манилов и совершенно успокоился.

– Теперь остаётся условиться в цене…

– Как в цене? – сказал опять Манилов и остановился. – Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили своё существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя. <…>

Вопросы и задания

1. Какие элементы композиции поэмы вы можете назвать уже после чтения первой главы?

2. Что помогло вам найти границу между экспозицией и завязкой?

Глава V

<…> – Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так чтоб не мимо господского дома?

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.

– Что ж, не знаешь?

– Нет, барин, не знаю.

– Эх ты! А и седым волосом ещё подёрнуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?

– А! заплатанной, заплатанной! – вскрикнул мужик. <…>

Глава VI

<…> Покамест Чичиков думал и внутренно посмеивался над прозвищем, отпущенным мужиками Плюшкину, он не заметил, как въехал в средину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведённый бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необерёгшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили как решето; на иных оставался только конёк вверху, да жерди по сторонам в виде рёбр. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье́ и тёс, рассуждая, и конечно справедливо, что в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке, и на большой дороге, словом, где хочешь. Окна в избёнках были без стёкол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клади хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник. Хлеб,

как видно, был господский. Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того, как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с жёлтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась, и на место их остался пустырём огород или капустник, обнесённый низкою, местами изломанною городьбою. Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно. Местами был он в один этаж, местами в два; на тёмной крыше, не везде надёжно защищавшей его старость, торчали два бельведера один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишённые когда-то покрывавшей их краски. Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решётку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна с своей стороны были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своём картинном опустении. Зелёными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесном горизонте соединённые вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол берёзы, лишённый верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался из этой зелёной гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная,

сверкающая колонна; косой, остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или чёрная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную берёзу. Достигнув середины её, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зелёные чащи, озарённые солнцем, и показывали неосвещённое между них углубление, зиявшее как тёмная пасть, оно было всё окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в чёрной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы, иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клёна, протянувшая сбоку свои зелёные лапы-листы, под один из которых забравшись, Бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых не вровень другим осин подымали огромные вороньи гнёзда на трепетные свои вершины. У иных из них отдёрнутые и не вполне отделённые ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, всё было как-то пустынно-хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдёт окончательным резцом своим природа, облегчит тяжёлые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Сделав один или два поворота, герой наш очутился наконец перед самым домом, который показался теперь ещё печальнее. Зелёная плесень уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах. Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо, ветшавших, – наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы. Всё говорило, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и всё глядело ныне пасмурно. Ничего не заметно было оживляющего картину, ни отворявшихся дверей, ни выходивших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для

оживления сего вымершего места: в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин. У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределённое, похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько сиплым для женщины. «Ой, баба!» – подумал он про себя и тут же прибавил: «Ой, нет!» – «Конечно баба!» – наконец сказал он, рассмотрев попристальнее. Фигура, с своей стороны, глядела на него тоже пристально. Казалось, гость был для неё в диковинку, потому что она обсмотрела не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная с хвоста и до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница.

– Послушай, матушка, – сказал он, выходя из брички, – что барин?..

– Нет дома, – прервала ключница, не дождавшись окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила:

– А что вам нужно?

– Есть дело.

– Идите в комнаты! – сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большой прорехою пониже.

Он вступил в тёмные, широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, тоже тёмную, чуть-чуть озарённую светом, выходившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражён представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытьё полов, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислонённый боком к стене шкап, с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни жёлтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплёте с красным обрезом, лимон весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-

то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих ещё до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный, пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку. С середины потолка висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шёлковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый поношенный колпак, лежавший на столе. Пока он рассматривал всё странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ключница, по крайней мере, не бреет бороды, а этот, напротив того, брил и, казалось, довольно редко, потому что весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какою чистят на конюшне лошадей. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпеньем, что хочет сказать ему ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет ему сказать Чичиков. Наконец последний, удивлённый таким странным недоумением, решился спросить:

– Что ж барин? у себя, что ли?

– Здесь хозяин, – сказал ключник.

– Где же? – повторил Чичиков.

– Что, батюшка, слепы-то, что ли? – сказал ключник. – Эхва! А вить хозяин-то я!

Здесь герой наш поневоле отступил назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть немало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не

придётся увидать; но такого он ещё не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперёд, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки ещё не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из тёмных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идёт на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик. У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба, зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной. <…>

– Я давненько не вижу гостей, – сказал он, – да признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения… да и лошадей их корми сеном! Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнёшь топить, ещё пожару наделаешь.

«Вот оно как! – подумал про себя Чичиков. – Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку, да ломоть бараньего бока».

– И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клок в целом хозяйстве! – продолжал Плюшкин. – Да и в самом деле, как прибережёшь его? землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак… того и гляди, пойдёшь на старости лет по миру!

– Мне однако же сказывали, – скромно заметил Чичиков, – что у вас более тысячи душ.

– А кто это сказывал! А вы бы, батюшка, наплевали в глаза

тому, который это сказывал! Он, пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Вот, бают, тысячи душ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтёшь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.

– Скажите! и много выморила? – воскликнул Чичиков с участием.

– Да, снесли многих.

– А позвольте узнать: сколько числом?

– Душ восемьдесят.

– Нет?

– Не стану лгать, батюшка.

– Позвольте ещё спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?

– Это бы ещё слава Богу, – сказал Плюшкин, – да лих-то, что с того времени до ста двадцати наберётся.

– Вправду? целых сто двадцать? – воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления.

– Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу! – сказал Плюшкин. Он, казалось, обиделся таким, почти радостным, восклицанием. Чичиков заметил, что в самом деле неприлично подобное безучастие к чужому горю, и потому вздохнул тут же и сказал, что соболезнует.

– Да ведь соболезнование в карман не положишь, – сказал Плюшкин. – Вот возле меня живёт капитан, чёрт знает его, откуда взялся, говорит, родственник: дядюшка, дядюшка! и в руку целует, а как начнёт соболезновать, вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный: пеннику, чай, на смерть придерживается. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнует!

Чичиков постарался объяснить, что его соболезнование совсем не такого рода, как капитанское, и что он не пустыми словами, а делом готов доказать его и, не откладывая дела далее, без всяких обиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями. Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и наконец спросил:

– Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?

– Нет, – отвечал Чичиков довольно лукаво, – служил по статской.

– По статской, – повторил Плюшкин и стал жевать губами, как будто что-нибудь кушал. – Да ведь как же? Ведь это вам-то самим в убыток?

– Для удовольствия вашего готов и на убыток.

– Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой! – вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для рассматриванья. – Вот утешили старика! Ах, господин ты мой! ах, святители вы мои!..

Далее Плюшкин и говорить не мог. Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, так же мгновенно и пропала, будто её вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утёрся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

– Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякий год берётесь платить за них, что ли? и деньги будете выдавать мне или в казну?

– Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.

– Да, купчую крепость… – сказал Плюшкин, задумался и стал опять кушать губами. – Ведь вот купчую крепость – всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь.

«Ну ты, я думаю, устоишь!» – подумал про себя Чичиков и произнёс тут же, что, из уважения к нему, он готов принять даже издержки по купчей на свой счёт.

Услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а верно был в офицерах и волочился за актёрками. При всём том он однако ж не мог скрыть своей радости. <…>

Обратимся к **главе XI** (последней) первого тома «Мёртвых душ». В этой главе итогов завершаются события негоции Чичикова. Вместо успешного преуспевающего помещика с крестьянами, которых он переселяет в Херсонскую губернию, перед нами с трудом успевший покинуть город жулик, которого может спасти только дальняя дорога.

Итак, дорога спасает героя поэмы. Она же вдохновляет автора на восторженные строки о своей Родине.

Перечитаем эти финальные строки и запомним их. Они «крепко впаяны» в текст сатирического описания приключений

Чичикова, однако в них вовсе нет ни слова, причастного к сатирической картине мира. Это восторженный гимн бесконечной дороге и бескрайней Родине.

«Эх тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? Знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем – гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи… и вот она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вот уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли; и косясь постараниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Вопросы и задания

▸**1.** Как в финальной главе XI первого тома поэмы сочетаются элементы повествования о Чичикове и лирические отступления?

2. Какие герои участвуют в этой финальной главе?

3. Какие строки этой главы кажутся вам главными для всего произведения Гоголя?

▸▸**1.** Какие художественные приёмы, использованные в главе XI, помогают созданию сатирических образов?

2. Как связаны между собою образ дороги и образ Руси?

▸▸▸**1.** Можно ли считать, что Гоголь в «Мёртвых душах» создал и сатирическую картину самодержавной Руси и одновременно патетический образ своей великой Родины?

2. Создайте очерк «Чичиков – предприниматель», используя биографию героя и события в городе NN.

3. По поэме «Мёртвые души» можно сделать несколько различных словариков. Выберите один из ниже предложенных и

начните над ним работать.

- словарь предпринимателя;
- словарь путешественника;
- словарь политика;
- словарь рачительного хозяина;
- словарь учтивого гостя…

Мотивируйте свой выбор.

4. Объясните, как вы понимаете причины, по которым Гоголь не завершил свою поэму «Мёртвые души».

5. Докажите, что главным героем произведений Гоголя был смех.

Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)

«Поздний романтик в русской поэзии XIX века» – так называют Фёдора Ивановича Тютчева исследователи русской литературы. Действительно, творческий путь поэта представляет собой явление уникальное.

Молодость вплоть до начала 40-х годов XIX века прошла на дипломатической службе в Германии. Намного пережив своих великих современников, он как поэт раскрылся во всей мощи своего дарования уже в России, в достаточно зрелом возрасте. Тютчев как бы вошёл в новую литературную эпоху с уже сложившимися эстетическими позициями и принципами, оставшись в целом романтиком.

Основными темами тютчевской лирики являются природа, любовь, чувства человека, мир, его окружающий. Все стихотворения овеяны философскими раздумьями о вечном. Современный исследователь пишет: «…разглядеть и понять всё богатство, всю глубину тютчевского творчества очень нелегко. Ибо поэт вложил, вместил свою творческую волю в предельно сжатые лирические образы. То, что у его великих соратников развёртывалось в монументальные эпические и драматические полотна, Тютчев заключал в тесные границы лаконичных стихотворений, где каждая строка как бы несёт в себе не меньшую смысловую нагрузку, чем глава романа или сцена драмы. И в самой этой предельной сжатости, сконцентрированности выразилась неповторимая самобытная природа тютчевского гения».

Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный…

Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убелённой,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звёздный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит…

На мир земной спустилася завеса;

Изнемогло движенье, труд уснул…
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул…

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобождённых сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

День и ночь

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь…
И бездна нам обнажена
Своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Эти бедные селенья…

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удручённый ношей крестной,

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

Вопросы и задания

⏩**1.** Какие особенности изображения пейзажа вы смогли бы выделить, анализируя эти стихотворения?

2. Как влияет природа на настроения, мысли и чувства лирического героя? Какие художественные средства выбирает поэт, чтобы передать их в стихах?

⏩⏩Какой эмоциональный отклик вызывают у вас стихи Тютчева о природе?

Живым сочувствием привета…

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущён и гордо-боязлив.

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнёт,

И человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нём сердце пламенеет!

Как он восторжен, умилён!
Пускай служить он не умеет, —
Боготворить умеет он!

Вопрос и задание

1. Сопоставьте стихотворение Тютчева с произведениями Пушкина «Поэт» и Лермонтова «Поэт».

2. Какие новые мотивы привносит Тютчев в осмысление личности и судьбы поэта?

Ещё томлюсь тоской желаний…

Ещё томлюсь тоской желаний,
Ещё стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Ещё ловлю я образ твой…
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда…

Она сидела на полу…

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело…

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —

И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Вопросы и задания

Как вы думаете, судя по этому стихотворению, только ли в воспоминаниях поэта живёт образ адресата этих стихов? Как выражено отношение автора к «милому образу»?

1. Стихотворение «Ещё томлюсь тоской желаний…» посвящено памяти Элеоноры Тютчевой, жены поэта. Какие фразы и словосочетания характеризуют внутренний мир поэта, его переживания?

2. В чём вы видите эмоциональный смысл стихотворения «Она сидела на полу…»? Почему, по-вашему, поэт использует сравнение взгляда на письма со взглядом душ «на ими брошенное тело»? Какие ещё эпитеты и метафоры особенно привлекли ваше внимание при чтении стихотворения и почему?

С поляны коршун поднялся…

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьётся он
И вот ушёл за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!

Вопросы и задания

1. Л. Н. Толстой подчеркнул в этом стихотворении последнюю строку. Предложите свой комментарий к такой пометке великого классика.

2. Какую роль играет образ коршуна в этом стихотворении.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892)

А. А. Фет – замечательный русский поэт, основатель поэтического жанра – лирической миниатюры. Н. Г. Чернышевский видел в Фете прекрасный лирический талант и считал его вторым после Н. А. Некрасова по силе дарования из всех современных ему поэтов.

А. А. Фет – вдохновенный певец природы, выражающий в своих стихотворениях стихийную радость жизни.

А. А. Фет не только поэт природы, но и автор многих стихотворений о любви. Для его любовной лирики характерна фрагментарность в изображении чувства, фиксация лишь отдельных душевных движений и настроений. Он сосредоточивается на тех настроениях и ощущениях, на тех душевных движениях, которые невозможно определить каким-то точным словом, но можно лишь «навеять на душу» читателя.

А. А. Фет вошел в русскую поэзию как великолепный мастер стиха. В области стихотворной техники он, вместе с Ф. И. Тютчевым, стал в XIX веке самым дерзким экспериментатором, проложившим путь достижениям и открытиям поэзии XX столетия.

Отмечая исключительную музыкальность поэзии Фета, П. И. Чайковский писал: «Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченным пределами слова».

Чудная картина…

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

Вопросы и задания

Какие приметы «чудной картины» обрисовал поэт? Какие из них особенно ярко рисуют красоту зимней ночи?

На заре ты её не буди…

На заре ты её не буди,
На заре она сладко так спит:
Утро дыши у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка её горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ты её, не буди…
На заре она сладко так спит!

Вопросы и задания

1. Опишите главные приметы вечера и утренней зари, о которых говорится в стихотворении.

2. Какие картины природы вызвали мгновенный отклик у юной героини.

3. Какое заглавие вы могли бы дать этому стихотворению? Мотивируйте свой выбор.

Вечер

Прозвучало над ясной рекою,

Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками,
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зелёным огнём.

Вопросы и задания

- Как объяснить, почему стихотворение имеет название «Вечер»? Ведь многие стихотворения Фета не имеют названия.
- Какие художественные приёмы использует автор, создавая описание вечера?

Я тебе ничего не скажу…

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдёт,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветёт.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной… я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

Вопросы и задания

▶Что более всего заметили вы как читатель этого стихотворения – то, что автор рассказывает о своей любви или то, как деликатно он это делает?

▶▶Какие сравнения помогают автору передать своё настроение?

▶▶▶Найдите музыкальные произведения, вдохновлённые стихотворениями А. А. Фета?

Как беден наш язык! – Хочу и не могу…

Как беден наш язык! – Хочу и не могу, —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И тёмный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орёл,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Вопросы и задания

▶Что утверждает автор стихотворения – бедность обычного языка общения или несравнимую с ним мощь языка поэзии? Предложите свой вариант решения этого вопроса.

▶▶Найдите те «крылатые слова», которые могут активно звучать в вашей собственной речи.

▶▶▶**1.** Орёл Юпитера уже встречался вам не раз в знакомых стихах. Вспомните «Весеннюю грозу» Ф. И. Тютчева.

2. Прочитайте самостоятельно легенду об орле Юпитера.

Я вдаль иду моей дорогой…

Я вдаль иду моей дорогой
И уведу с собою вдаль
С моей сердечною тревогой
Мою сердечную печаль.

Она-то доброй проводницей

Со мною об руку идёт
И перелётной, вольной птицей
Мне песни новые поёт.

Ведёт ли путь мой горной цепью
Под ризой близких облаков,
Иль в дальний край широкой степью,
Иль под гостеприимный кров, —

Покорна сердца своеволью,
Везде, бродячая, вольна,
И запоёт за хлебом-солью,
Как на степи, со мной она. <…>

Вопросы и задания

▸Кто героиня этого стихотворения? Как её характеризует поэт?

▸▸Почему Фет называет свою музу «перелётной, вольной птицей?»

▸▸▸Как обозначил поэт границы своего творчества?

Спасибо ж тем, под чьим приютом…

Спасибо ж тем, под чьим приютом
Мне было радостней, теплей,
Где время пил я по минутам
Из урны жизненной моей.

Где новой силой, новым жаром
Опять затрепетала грудь
Где музе-страннице с гусляром
Нетруден показался путь.

Вопросы и задания

▸**1.** К каким неназванным друзьям обращается автор в этом стихотворении?

Справка. Многие современники поэта были с ним близки. Среди них были И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов и многие другие.

Но среди друзей А. А. Фета особую роль играл Л. Н. Толстой, который часто бывал и первым слушателем его стихотворений.

2. Что отличает «музу-странницу» от этой же героини в других знакомых вам стихах Фета?

Нет, я не изменил. До старости глубокой…

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Ещё горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнёт ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрагаясь, я пою.

Вопросы и задания

▸Стихотворение передаёт сложность чувств и отношений автора. Оно же убеждает нас в серьёзности и благородстве этих переживаний.

▸▸Какие художественные приёмы помогают автору убедить нас в силе и прочности его чувства?

Я был опять в саду твоём…

Я был опять в саду твоём,
И вела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоём
Бродили, говорить не смея.

Как сердце робкое влекло
Излить надежу, страх и пени, —
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна,
И трав сильней благоуханье;
Зато какая тишина,
Какое томное молчанье!

Один зарёю соловей,
Таясь во мраке, робко свищет,
И над навесами ветвей
Напрасно взор кого-то ищет.

Вопросы и задания

▸Стихотворение содержит историю любви. Это грустное и исполненное благородства повествование. Попробуйте найти название для новеллы, которая бы передала этот сюжет в прозе.

▸▸Какие художественные приёмы, использованные в этом стихотворении, помогут вам выполнить предыдущее задание.

▸▸▸На основе прочитанных стихотворений А. А. Фета проведите своё исследование любимых художественных приёмов поэта; создайте их перечень, приведите примеры. Возможны словарики эпитетов, сравнений, метафор.

Зарубежная литература

Данте. У. Шекспир.

Литература эпохи Средневековья

Средневековье в странах Европы растянулось на ряд веков: оно заняло период от раннего Средневековья IV–V веков до позднего – XIV–XVII веков. В каждой из стран этот процесс шёл разными темпами и оставил свой неповторимый след в литературе и искусстве.

Средневековая литература существует как литература сословная, что и не могло быть иначе в чётко структурированном обществе жёсткой социальной иерархии. Многообразна религиозная литература с её богато представленными житиями святых, различными вариантами проповедей и посланий. В рыцарской литературе большое место занимали героический эпос, лирика и роман. Создавались эпические поэмы, среди которых самая знаменитая – французская «Песнь о Роланде». В этой поэме тема защиты Родины тесно связана с темой защиты христианства и отчётливы очертания характера героев и мотивы их подвигов.

До сих пор идут споры о роли средневековой литературы в общей истории её развития. Теперь многие исследователи склонны утверждать, что литература этого периода может не бояться сравнения ни с литературой Античности, ни с литературой эпохи Возрождения, между которыми она находится согласно принятым классификациям. На какое-то время в годы Средневековья литературная жизнь замирала, но не угасала. Это явление было тесно связано с упадком образования. Но и в этой сфере зрели перемены.

В средневековой литературе постепенно складывались задатки того, что в годы Возрождения расцветёт пышным цветом. При всей силе влияния религиозной литературы на светскую реальная жизнь брала своё. Пробудился интерес к личности каждого человека, к его мыслям, чувствам, стремлениям. Именно

этот период подготовил появление таких авторов, как Данте, Шекспир, Сервантес, Кальдерон, Лопе де Вега и многих других.

Данте Алигьери (1265–1321)

Данте Алигьери – великий итальянский поэт. Он – последний поэт Средневековья и в то же время первый поэт Нового времени. В 1292 году появилась его лирическая биография – «Новая жизнь». Стихи и проза этого произведения рассказывали о жизни Флоренции. Героиня повествования – рано умершая девушка по имени Беатриче, которую он иногда называет «Донна Философия». Эта героиня, которую при жизни он видел всего три раза, сохранялась в его памяти всю жизнь. С её образом Данте не расстанется и в своих последующих произведениях.

Его главный труд – «Комедия», над которой он работал много лет (1300–1321), считается высшим достижением итальянского Предвозрождения. Это произведение – философско-художественный синтез того, что создало Средневековье и что уже предчувствовало Возрождение.

Данте назвал свою поэму «Комедия», и только в конце XIV века она была названа «Божественная комедия». Это произведение в последующие годы не раз называли «энциклопедией эпохи». Популярность «Комедии» была необычайной: от XIV века до нас дошло 700 списков её текста. Такого не знает ни одно произведение с той поры.

Композиция этой поэмы чётка и симметрична. В ней содержится 100 песен: тридцать четыре песни в части первой («Ад») и по тридцать три песни во второй и третьей частях («Чистилище» и «Рай»). Лаконизму повествования способствует форма строфы – это **терцина** (в каждой строфе по три строки). Все строфы связаны «бесконечной» цепью рифм. Эта цепочка связывает воедино многие строфы: *аба бвб вгв* и так далее. Богатство и многоплановость содержания вызывает и яркость формы воплощения, и разнообразие стиля – в поэме есть и просторечие, и строгая книжная лексика, и активное включение диалогов.

Справка. *Терцина* – стопа из трёх строк с особой формой рифмовки. Её «бесконечная» цепочка рифм объединяет весь текст.

Проследим за устройством терцин, наблюдая за первыми строфами текста.

1	Земную жизнь пройдя до половины,	*а*
	Я очутился в сумрачном лесу,	*б*
	Утратив правый путь во тьме долины.	*а*
4	Каков он был, о, как произнесу,	*б*
	Тот дикий лес, дремучий и грозящий,	*в*
	Чей давний ужас в памяти несу!	*б*
7	Так горек он, что смерть едва ль не слаще.	*в*
	Но, благо в нём обретши навсегда,	*г*
	Скажу про всё, что видел в этой чаще.	*в*

Вопросы и задания

Какую картину создал автор в начале поэмы?

1. Дайте описание характера рифмовки в строфе терцины.

2. Какую картину создал автор в первых строках поэмы?

2. Какие художественные приёмы использованы в этих терцинах?

1. Найдите в любой из частей поэмы эпизоды с участием Беатриче и дайте свой комментарий выбранного эпизода.

2. Найдите терцины, которые помогут оценить взгляд Данте на своих героев.

Сто песен поэмы содержат множество эпизодов, диалоги помогают восприятию этой живой картины времени. Путник по Аду, Чистилищу и Раю – сам Данте и его сопровождающие нарисованы ярко и убедительно – это живые люди своей эпохи.

Наиболее детально воспроизведены Вергилий, Беатриче и сам автор. Вергилий сопровождает путника по страшным путям Ада. В этой роли он выступает как мудрый и снисходительный наставник. Беатриче при всей условности её роли часто проявляет себя не только как нежная и добрая спутница с материнскими чувствами, но и как реальная живая женщина, в которой есть и способность к обиде и ревность. Сам путник предстаёт как человек гордый, страстный, даже нетерпимый и в то же время остро откликающийся на чужие страдания.

Множество героев и множество событий вводят читателя в живую и противоречивую жизнь. Читатель видит чередование грубых и патетических, забавных и трагических сцен. Многие исследователи сравнивают «Ад» со скульптурой, «Чистилище» – с живописью, а «Рай» – с музыкой. У каждой части есть и своя преобладающая окраска. Так, «Ад» нарисован в чёрных и багровых тонах.

Различна и звуковая инструментовка поэмы. В первой части слышны хриплые стоны грешников, грозный шум моря. Во второй – звучат орган и хоралы, в третьей – музыка небесных сфер.

Большое место в описаниях событий занимают картины природы. Так, пейзаж Ада суров, и мы видим огненные реки, суровые скалы, болотистую степь и вечный мрак.

«Божественная комедия» читалась и изучалась в странах Европы. С конца XVIII века началось знакомство с этим произведением и в России. Его высоко ценили А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, А. И. Герцен. «Божественную комедию» неоднократно переводили на русский язык. В 1946 году за её перевод М. Лозинский получил Государственную премию. В последние годы создавались и новые переводы.

Обратимся к первой песне «Ада» в переводе М. Лозинского и начнём освоение этого удивительного текста.

Божественная комедия. *Фрагменты*

Ад

Песнь первая

1 Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

4 Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несу!

7 Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нём обретши навсегда,
Скажу про всё, что видел в этой чаще.

10 Не помню сам, как я вошёл туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

13 Но к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,

16 Я увидал, едва глаза возвёл,

Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошёл.

19 Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.

22 И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,

25 Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

28 Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошёл, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.

31 И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пёстрого узора.

34 Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись.

37 Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звёзды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный

40 Божественная двинула Любовь.
Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь.

43 При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с подъятой гривой.

46 Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.

49 И с ним волчица, чьё худое тело,

Казалось, всё алчбы в себе несёт;
Немало душ из-за неё скорбело.

52 Меня сковал такой тяжёлый гнёт,
Перед её стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.

55 И как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,

58 Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неуёмной
Туда теснимый, где лучи молчат.

61 Пока к долине я свергался тёмной,
Какой-то муж явился предо мной,
От долгого безмолвья словно томный.

64 Его узрев среди пустыни той:
«Спаси, – воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!»

67 Он отвечал: «Не человек; я был им;
Я от ломбардцев низвожу мой род,
И Мантуя была их краем милым.

70 Рождён sub Julio, хоть в поздний год,
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда ещё кумиры чтил народ.

73 Я был поэт и вверил песнопенью,
Как сын Анхиза отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожженью

76 Но что же к муке ты спешишь назад?
Что не восходишь к выси озарённой,
Началу и причине всех отрад?»

79 «Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? —
Ответил я, склоняя лик смущённый. —

82 О честь и светоч всех певцов земли,

Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!

Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый.

Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»

«Ты должен выбрать новую дорогу, —
Он отвечал мне, увидав мой страх, —
И к дикому не возвращаться логу;

Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях;

Она такая лютая и злая,
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой ещё сильней алкая.

Со всяческою тварью случена,
Она премногих соблазнит, но славный
Нагрянет Пёс, и кончится она.

Не прах земной и не металл двусплавный,
А честь, любовь и мудрость он вкусит,
Меж войлоком и войлоком державный.

Италии он будет верный щит,
Той, для которой умерла Камилла,
И Эвриал, и Турн, и Нис убит.

Свой бег волчица где бы ни стремила,
Её, нагнав, он заточит в Аду,
Откуда зависть хищницу взманила.

И я тебе скажу в свою чреду:
Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу,

И ты услышишь вопли исступленья

И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья;

117 Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.

121 Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждёт:
С ней ты пойдёшь, а мы должны проститься;

124 Царь горних высей, возбраняя вход
В свой город мне, врагу его устава,
Тех не впускает, кто со мной идёт.

127 Он всюду царь, но там его держава;
Там град его, и там его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!»

130 «О мой поэт, – ему я речь повёл, —
Молю Творцом, чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушёл.

133 Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал».

136 Он двинулся, и я ему вослед.

Вопросы и задания

1. Когда была создана «Божественная комедия» Данте?

2. Дайте общую характеристику композиции поэмы.

1. Охарактеризуйте особенности стиха поэмы – терцин, которыми она написана.

2. Найдите примеры использования приёма переноса в строфах первой песни.

3. Какую роль играет аллитерация в этой главе? Дайте свои примеры и комментарии.

1. Объясните причину смены названия поэмы в конце XIV века.

2. Объясните высокую оценку «Божественной комедии»

поколениями европейских читателей и исследователей.

Литература эпохи Возрождения

Эпоха Возрождения в Европе – это период с середины XIV по начало XVII века. В экономической жизни этих лет царил привычный феодализм, но в сфере культуры многое менялось. Искусство отражало эти изменения и их поиски. Появились имена, которые донесли до нас эту эпоху. Это Петрарка, Эразм Роттердамский, Боккаччо, Рабле, Данте, Сервантес, Шекспир…

Возрождение (термин «Возрождение» – калька, перевод термина «Ренессанс») принесло в искусство Человека, интерес к нему. «Магистральной мыслью времени стало убеждение в достоинстве человека, по имени которого получила своё название и философия Возрождения – гуманизм (от латинского „хомо“ – человек), а её приверженцы стали называться гуманистами» («Энциклопедический словарь юного литературоведа». М., 1998).

Возрождение пробудило интерес к Античности и в то же время интерес и к народной культуре, а также к тому, что принесла в жизнь человека эпоха Средневековья.

Вначале Возрождение обогатило литературу жанрами авантюрной новеллы и многообразием лирики. Затем среди жанров стали занимать всё большее место трагедия и роман.

Возрождение не одновременно наступило в разных странах. Вам знакомы многие произведения этой эпохи: «Божественная комедия» Данте, «Дон Кихот» Сервантеса, трагедия У. Шекспира «Ромео и Джульетта», сонеты У. Шекспира.

Уильям Шекспир (1564–1616)

Уильям Шекспир – великий драматург и поэт. Его творчество и сегодня лежит в основе театрального и кинорепертуара мира.

О человеке-Шекспире известно чрезвычайно мало. Споры о том, кто создавал пьесы под его именем, не утихают до наших дней. На это место в истории литературы выдвинуто уже тридцать претендентов. Каждый из них имеет сторонников, каждая версия поддержана множеством доказательств. Среди этих имён числится даже королева Елизавета Тюдор. Одну из версий недавно предложил русский учёный И. М. Гилилов[38]. Неутихающие споры только подтверждают важность творчества великого драматурга для нашей духовной жизни.

Перу Шекспира принадлежат 36 пьес и 154 сонета. Принято говорить о трёх этапах его творчества.

В 90-е годы XVI века написана большая часть его комедий («Комедия ошибок», «Укрощение строптивой» и др.), «Ромео и Джульетта» и исторические хроники («Ричард II», «Ричард III» и др.).

1600–1608 годы – период «великих трагедий». Обычно называют три: «Гамлет», «Макбет», «Король Лир», но к ним часто присоединяют и «Отелло».

В третий и четвёртый периоды создаются «Зимняя сказка», «Буря», «Цимбелин» и др.

Пьесы Шекспира несут приметы народного театра того времени: они написаны для открытой сцены – тогда не было занавесов и декораций. Поэтому отдельные эпизоды чётко разграничены появлением или уходом действующих лиц. Немногие элементы реквизита, реплики героев помогали зрителю представить себе время и место происходящих событий.

Пьесы в основном написаны белым стихом.

Справка. *Белый стих* – стих без рифмы. Чаще всего используется в драматургии. Так «Борис Годунов» Пушкина, трилогия А. К. Толстого написаны белым стихом. Иногда белый стих и стих рифмованный сочетаются. Пример – сцена у фонтана в «Борисе Годунове».

Лексика произведений Шекспира чрезвычайно богата. Произведения изобилуют риторическими фигурами и поэтическими метафорами – автор щедр на выдумки.

Каждый читатель и зритель когда-нибудь встретится с

Шекспиром и неизбежно не раз услышит имена Гамлета и Макбета, короля Лира и Отелло.

В годы создания своих великих трагедий Шекспир достигает высшего мастерства. Он остаётся гуманистом, но видит резкое расхождение между идеалами и действительностью, в которой царит деспотизм, хищничество, эгоизм. Конфликты трагедий отражают предельное напряжение нравственных противоречий и социальной борьбы. Для героев этих трагедий конфликт оказывается причиной, которая ведёт их к самопознанию. Это происходит даже с юными Ромео и Джульеттой.

Шекспир – первый художник мировой литературы, который дал изображение характеров в их развитии. Важно понять, что приводит героев трагедий к гибели. Они гибнут не от роковых ошибок или собственной слабости, а именно в силу своих достоинств. Стремления этих героев приходят в неразрешимое противоречие с миром пошлости, корысти, жестоких чувств.

Важнейшим достижением драматурга было изображение духовной жизни человека во всей её сложности. «Лица, созданные Шекспиром… существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства раскрывают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры» (А. С. Пушкин).

Темы, которые звучат в «Гамлете» – узурпация власти, месть и право на месть, любовь и дружба и верность в этих чувствах, разлад мысли и действия… В процессе развития этих тем мы видим становление характера героя, который мужает в жизненной борьбе и гибнет тогда, когда достиг понимания своей цели.

Нужно прочитать «Гамлета» полностью и оценить события, с которыми сталкиваются герои.

Гамлет – принц датский – он же наследник датского престола, коварно захваченного его дядей Клавдием. Он не сразу понимает сложность своего положения в своей стране и то, что отец его погиб от руки завистника-брата. Гамлет честен и внимателен в своей проверке истины. Но в борьбе участвуют и другие силы, и он гибнет.

Гамлет. ***Фрагмент. Перевод М. Лозинского***

Действующие лица

Клавдий, король Датский.
Гамлет, сын покойного и племянник царствующего короля.

Фортинбрас, принц Норвежский.
Полоний, ближний вельможа.
Горацио, друг Гамлета.
Лаэрт, сын Полония.
Вольтиманд, Корнелий, Розенкранц, Гильденстерн, Озрик – придворные.
Первый дворянин.
Второй дворянин.
Священник.
Марцелл, Бернардо – офицеры.
Франсиско, солдат.
Рейнальдо, слуга Полония.
Актёры.
Два могильщика.
Капитан.
Английские послы.
Гертруда, королева Датская, мать Гамлета.
Офелия, дочь Полония.
Призрак отца Гамлета.
Вельможи, дамы, офицеры, солдаты, моряки, гонцы и другие слуги.

Место действия – Эльсинор.

Вопросы и задания

1. Насколько полно список действующих лиц предопределяет масштаб событий, которые развернутся в Эльсиноре?
2. Чем определяется место Гертруды и Офелии в конце этого списка?

Акт третий

Сцена первая

Комната в замке

Входят **король, королева, Полоний, Офелия**, **Розенкранц и Гильденстерн**.
(Через некоторое время все они уходят, остается лишь **Офелия** и приходит **Гамлет**.)

Гамлет

Быть иль не быть – таков вопрос;
Что благородней духом – покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть —
И только: и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти – как такой развязки
Не жаждать? – Умереть, – Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чём трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бренный шум, —
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снёс бы плети и глумленье века,
Гнёт сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей медливость,
Заносчивость властей и оскорбленья,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать судьбе расчёт,
Простым кинжалом? Кто бы плёлся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти —
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, – волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налётом мысли бледным,
И начинанья, взнёсшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!
Офелия? – В твоих молитвах, нимфа,
Всё, чем я грешен, помяни.

Офелия

Мой принц,
Как поживали вы все эти дни?

Гамлет

Благодарю вас, чудно, чудно, чудно.

Офелия

Принц, у меня от вас подарки есть:
Я вам давно их возвратить хотела;
Примите их, я вас прошу.

Гамлет

Я? Нет,
Я не дарил вам ничего.

Офелия

Нет, принц мой, вы дарили: и слова,
Дышавшие так сладко, что вдвойне
Был ценен дар, – их аромат исчез.
Возьмите же: подарок нам немил,
Когда разлюбит тот, кто подарил.
Вот, принц.

Принц заготовил ловушку королю, решив использовать прибывших в замок актёров. В то же время король пробует организовать проверку Гамлету, чтобы узнать, чем вызвано его безумие. Полоний предполагает, что причина эта в любви к его дочери Офелии.

Итак принца оставили с Офелией наедине и их беседу слушает скрывшийся за коврами Полоний.

Вопросы и задания

1. Чему посвящён знаменитый монолог Гамлета? О чём размышляет он, собираясь наблюдать за тем, как король будет воспринимать предстоящее представление, которое почти точно воспроизведёт преступление?

2. Какие полярные позиции взвешивает и оценивает Гамлет? Что вызывает, по вашему мнению, его большее сочувствие – покорность судьбе или яростное сражение с тем, что

противостоит человеку?

3. Какую роль в этой сцене играет Офелия? Понимает ли она, какую роль отвели ей отец и король?

4. Догадывается ли Гамлет о том, что он участвует в заранее подготовленной сцене? Можно ли доказать искренность участников диалога?

⏩Какую характеристику судьбы создают выражения: «пращи и стрелы судьбы», «море смут», «глумленье века»?

⏩⏩**1.** Колеблется ли Гамлет, когда произносит монолог, или он уже принял своё решение? Как вы оцениваете решение Гамлета, прочитав монолог?

2. Какую роль играет этот монолог в развитии сюжета трагедии?

3. Какие постановки или экранизации «Гамлета» вы видели? Могли бы дать свою оценку тому Гамлету, которого удалось увидеть?

Если вы ответили на предложенные вопросы, то вам будет легче создать собственный комментарий к этому эпизоду трагедии. Включите в свой комментарий и собственные выводы о роли монолога в дальнейшем развитии сюжета.

При чтении этого эпизода обратите внимание на реплики Офелии. Смогли ли вы оценить и эту участницу событий и определить характер отношений героев?

Чтение пьесы или отдельных эпизодов в лицах – задача, которую трудно решить, если нет понимания всего текста. Если вы приступите к такой работе над произведением, нужно предварительно внимательно прочитать весь текст пьесы и подумать о событиях и героях, которые перед вами предстали.

А теперь предлагаем вам прочитать монолог Гамлета в переводе Б. Пастернака.

Гамлет. ***Фрагмент. Перевод Б. Пастернака***

Сцена первая

Эльсинор. Комната в замке.

Гамлет

Быть иль не быть, вот в чём вопрос.
Достойно ль
Терпеть без ропота позор судьбы,

Иль надо оказать сопротивленье,
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть… и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чём разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снёс бы ложное величье
Правителей, невежество вельмож,
Всеобщее притворство, невозможность,
Излить себя, несчастную любовь
И призрачность заслуг в глазах ничтожеств,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала? Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться?
Так малодушничает наша мысль
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика.
Так погибают замыслы с размахом,
Вначале обещавшие успех,
От долгих отлагательств. Но довольно!
Офелия! О радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.

Офелия

Принц, были ль вы здоровы это время?

Гамлет

Благодарю: вполне, вполне, вполне.

Вопросы и задания

▶**1.** Какое место занимает этот эпизод III акта в развитии сюжета?

2. Какую роль играет этот монолог Гамлета в пьесе?

3. Сравните два перевода (М. Лозинского и Б. Пастернака) монолога Гамлета. В чём вы видите отличие этих переводов?

4. Какой из этих монологов, по вашему мнению, более трагично звучит?

⏩**1.** Какие метафоры вам кажутся более яркими и впечатляющими?

2. Какие эпитеты полнее отражают чувства Гамлета?

⏩⏩**1.** Какой вариант перевода вы выбрали бы, если бы вам нужно было его исполнить перед аудиторией?

2. Оцените достоинства каждого из переводов монолога (можете написать рецензию с сопоставлением достоинств этих переводов).

3. В чём вы видите причину популярности этого монолога?

Итоговые вопросы и задания

▶**1.** Какое событие вы воспринимаете как кульминацию пьесы?

2. Определите роль главных героев в движении сюжета.

⏩**1.** Какие особенности героя пьесы – Гамлета сделали исполнение этой роли мечтой всех ярких актёров нескольких столетий?

2. Почему монологи Гамлета – отправная точка споров многих читателей?

3. Звучит ли вопрос «Быть или не быть?» как серьёзный вопрос для современных читателей или он превращён в объект досуга просвещённых читателей?

⏩⏩**1.** Подготовьте свой пересказ трагедии, предельно сократив обращение к деталям.

2. Каким вы видите Гамлета как человека той далёкой эпохи, к которой обратился автор? Что для него – главное в этом мире? Есть ли в его системе ценностей те, которые вам чужды и неинтересны?

3. Какой видит он любовь и как вы оцениваете его отношение к Офелии?

4. Чем вызван его приказ-призыв Горацио?

5. Подготовьте сообщение на тему о сценическом воплощении трагедии или о толковании поставленных в ней вопросов: «Гамлет, которого я видел на сцене», «Мой „Гамлет“ –

Гамлет телевизионный», «Почему роль Гамлета так привлекает мечты и надежды исполнителей (мой вариант)?», «Встречал ли я Офелию в реальной жизни? Какая эпоха подарила нам эту иллюзию?» и др.

6. Как вы объясните популярность этой пьесы в течение нескольких столетий?

7. Прочитайте статью И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» и оцените сопоставление писателем этих образов.

notes

Примечания

1

Та́лия – муза комедии, Мельпоме́на – муза трагедии; обе – дочери Зевса и Мнемозины, богини памяти.

2

Возлю́бленная тишина́ – мир.

3

Клас – колос.

4

И зрак прекра́снее рая́ – вид, который приятнее райского.

5

Пла́менные зву́ки – звуки войны.

6

Внуши́ть – услышать.

Верьхи́ Парна́сски – поэты, художники, учёные.

8

Секва́на – Сена.

9

Невто́н – Ньютон.

10

Мурза́ – татарский вельможа; Державин употребляет это слово в переносном смысле.

11

Нало́й – здесь: высокий столик.

12

Кружи́ть в химе́рах – фантазировать.

13

Сва́йка – русская народная игра: сильным броском большой гвоздь вгоняется в мету.

14

Полка́н и Бова́ – персонажи средневековой рыцарской повести, а позднее сказки.

15

Мзда – взятки.

16

Очеса́ – очи, глаза.

17

Рифе́й – Уральские горы.

18

Мой милый (франц.).

19

Речь идёт о чувстве А. С. Пушкина к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (1790–1880).

20

Имеется в виду остров Святой Елены, где с 1815 по 1821 годы находился в заключении и умер Наполеон.

21

Речь идёт о великом английском поэте Дж. Г. Байроне, умершем в 1824 году в Греции, где он принимал участие в национально-освободительном движении греков.

22

Ана́фора – единоначатие, повтор слова или группы слов в начале нескольких стихов, строф, фраз.

23

Эпиграф взят из стихотворения Г. Р. Державина (1743–1816) «Евгению. Жизнь Званская».

24

Отъезжие поля – земли, по которым мчались всадники и собаки во время охоты («бешеной забавы»).

25

Арми́да – здесь: волшебница.

26

Серафи́м – один из высших ангельских чинов; изображался шестикрылым.

27

Пе́рсты – пальцы.

28

Зени́цы – глаза.

29

Глаго́л – слово, речь.

30

Переправа через реку – символ женитьбы, а также символ смерти в сказках и народной мифологии.

31

Образ медведя в обрядовой поэзии связывался с замужеством.

32

«Ифигения в Авлиде», опера Глюка.

33

о вы, кому известно (ит.). Ария Керубино из 3-го акта оперы Моцарта «Свадьба Фигаро».

34

Опера Сальери на слова Бомарше.

35

Бра́нный (устар.) – здесь: воюющий.

36

Фимиа́м – здесь: восторженная похвала, лесть.

37

Вечева́я – от слова «вече» – в Древней Руси собрание горожан для решения общественных дел, а также место такого собрания.

38

См.: Гилилов И. М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М., 1997.